

Ведический центр om-aditya

Татьяна
Земская
om-aditya.ru

АСТРОЛОГ:
консультации
обучение
МИСТИК
АВТОР

Астрология

Аюрведа

Вебинары

Консультации

Веды

Присоединяйтесь к нам в социальных сетях

Мы желаем Вам процветания, и радости!
Улучшайте качество жизни и сознания,
вместе с Ведическим Центром Ом-Адитья.

Станислав Гроф — один из основателей трансперсональной ассоциации. Вместе с женой, Кристиной Гроф, он разработал холотропное дыхание — уникальный метод самопознания, психотерапии и личностного роста. Автор книг: *Realms of Human Unconsciousness* (1976), *LSD Psycho-therapy* (1980), *Beyond Death* (1980, вместе с Кристиной Гроф), *Beyond the Brain* (1985), *The Stormy Search for the Self* (1990, вместе с Кристиной Гроф), *Manuals for Dying and Living* (1994), *Cosmic Game* (1997), *Transpersonal Vision* (1998), *Call of the Jaguar* (2001).

Трудно представить себе более универсальную и лично значимую для всех тему, чем смерть и умирание. На протяжении своей жизни все мы теряем родственников, друзей, учителей и знакомых, а в финале остаемся наедине с необходимостью собственного биологического конца. Ключевая мысль Грофа состоит в том, что опыт смерти и возрождения — «величайшее путешествие», которое ждет каждого из нас и является средством исцеления. Это путешествие рассматривается в книге со всех возможных сторон: исторической, теоретической, терапевтической, научной и философской. В книге дается подробный обзор исследований человеческого сознания, которые революционизировали понимание смерти и умирания, а также открыли новые подходы в работе с умирающими.

ВЕЛИЧАЙШЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Станислав ГРОФ

ТЕКСТЫ ТРАСПЕРСОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Станислав ГРОФ

ВЕЛИЧАЙШЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

СОЗНАНИЕ И ТАЙНА СМЕРТИ

Трудно представить себе более универсальную и лично значимую для всех тему, чем смерть и умирание. На протяжении своей жизни все мы теряем родственников, друзей, учителей и знакомых, а в финале остаемся наедине с необходимостью собственного биологического конца. Ключевая мысль Грофа состоит в том, что опыт смерти и возрождения — «величайшее путешествие», которое ждет каждого из нас — сам является средством исцеления. Это путешествие рассматривается в книге со всех возможных сторон: исторической, теоретической, терапевтической, научной и философской. В книге дается подробный обзор исследований человеческого сознания, которые революционизировали понимание смерти и умирания, а также открыли новые подходы в работе с умирающими.

Станислав Гроф

Величайшее путешествие: сознание и тайна смерти

Stanislav Grof, M.D.
The Ultimate Journey
Consciousness and the Mystery of Death

MAPS
The Multidisciplinary Association of Psychedelic Studies

Издательство Трансперсонального проекта
Издательство К. Кравчука
Издательство АСТ

Издатели благодарят Андрея Бунича, чья финансовая помощь и дружеская поддержка сделали возможной публикацию этой книги

перевод с английского:
Максим Ощурков (ответственный переводчик)
Лариса Михайлова
Татьяна Лем
Ольга Черняк
Михаил Дрёмин
Александр Киселев
Научный редактор кандидат философских наук Владимир Майков

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если бы существовал список наиболее влиятельных людей XX века (а теперь еще и начала XXI века), Станислав Гроф обязательно вошел бы в их число. Значимость измененных состояний сознания признается сейчас все шире и шире, и никто не работал в этой области более плотно, чем автор данной книги.

Свою работу Гроф начинал в Чехословакии, где на протяжении четырех лет он работал пражских институтах, занимающихся комплексными междисциплинарными исследованиями, а потом еще семь — в только что основанном Институте психиатрических исследований. Приехав в Соединенные Штаты в 1967 году, он продолжил свои изыскания в исследовательском отделении больницы Спринг Гроув в Балтиморе, штат Мэриленд, а также в Мэрилендском центре психиатрических исследований. Прежде чем идти дальше, следует отметить два факта, касающиеся всей его работы. Во-первых, в области применения психотропных препаратов с целью выявления терапевтической и личностной картины ему удалось накопить, пожалуй, самый богатый опыт из всех. Этот опыт был получен из более чем трех тысяч сеансов, в ходе каждого из которых он проводил с пациентом не менее пяти часов. Кроме того, его исследования включают в себя еще восемьсот случаев, которыми занимались его коллеги в Балтиморе и Праге. Во-вторых, поскольку он осуществлял свои исследования по обе стороны Атлантики, в них отразились два основных подхода к терапии с использованием психотропных препаратов: психолитический метод (применяемым в Праге и в Европе в целом), суть которого состоит в том, что пациенту вводятся малые либо средние дозы ЛСД или его заменителей на протяжении долговременной лечебной программы, и психоделическая терапия (используемая в Америке), в ходе которой пациент получает одну или несколько высоких доз препарата на протяжении короткого периода лечения.

Ключевой для этой, последней на данный момент, книги Грофа из всего гигантского объема информации является мысль о том, что опыт смерти и возрождения — «величайшее путешествие», которое ждет каждого из нас — и является средством исцеления. Этот вывод стоит того, чтобы читатель остановился на секунду и задумался, потому что следствия из него колоссальные. Если бы мы могли хотя бы на уровне интеллекта — познания, разума — поверить в то, что за смертью действительно следует новое рождение, мы сделали бы огромный шаг к тому, чтобы исцелить не что-нибудь, а нашу собственную жизнь. Потому что главная болезнь жизни — это страх. Как говорил Карл Юнг, у него не было ни одного пациента старше сорока, корни проблемы которого не крылись бы в его страхе перед приближающейся смертью.

Огромное достоинство этой книги в том, что, взяв высказанную в предыдущем абзаце мысль за отправную точку, эта книга рассматривает ее со всех возможных сторон: исторической, теоретической, терапевтической, научной и философской. Я не вижу необходимости развивать эту тему: достаточно взглянуть на оглавление этой книги, и все сразу становится ясно. Будучи и сам психологом, я особенно ценю главу «Измерения сознания: новая картография человеческой души», но я сказал уже достаточно. Лучшее, что я могу сделать теперь для этой исключительно важной работы, — это отойти в сторону и больше не мешать читателю и Станиславу Грофу говорить друг с другом напрямую.

Хьюстон Смит, Беркли, Калифорния

БЛАГОДАРНОСТИ

Идеи и концепции, изложенные в этой книге, основаны на наблюдениях и опыте, полученных мною на протяжении более чем полувековых исследований в области измененных состояний сознания. Эти исследования были не только интересны с точки зрения научного изучения человеческой психики — они стали своего рода увлекательным путешествием по пути самосознания и личностного преобразования. На протяжении этих лет я получал неоценимую поддержку, помощь и вдохновение от множества людей, сыгравших важную роль в моей жизни: некоторые из них были моими учителями, другие — близкими друзьями и коллегами, а многие совмещали в себе все эти роли.

Я хотел бы выразить свою глубокую признательность пионерам, совершившим прорыв в области изучения смерти и умирания и открывшим для исследователей поле танатологии: Элизабет Кюблер-Росс за ее исследование процесса умирания и психологическую работу с умирающими пациентами; Карлиса Осиса за его наблюдения за врачами и медсестрами у кроватей умирающих; Рассела Нойеса, Рэймонда Моуди, Кеннета Ринга, Майкла Сабома, Брюса Грейсона и других за их новаторские исследования опытов близкой смерти, и Карла Саймонтона и Стефани Мэттьюз-Саймонтон за их изучение психологических факторов в этиологии и лечении рака.

Моя особая благодарность тем, кто сыграл ключевую роль в разработке психоделической терапии для раковых больных: Эрику Касту, Валентине Павловне Уоссон, Сидни Коэну и в особенности Олдосу и Лоре Хаксли. В своей книге «Этот вечный миг» Лора дает невероятное описание своей жизни с Олдосом, в том числе приводит его размышления о работе с умирающими людьми и описывает волнующий момент его собственной смерти, преобразенный благодаря ЛСД, который она ввела ему по его просьбе. Я глубоко благодарен Лоре за то, что она позволила включить избранные отрывки из столь важного документа в эту книгу в качестве приложения.

Это книга не была бы написана, если бы не опыт и наблюдения, полученные мной в тот период моей жизни, когда я был врачом и научным сотрудником, а затем возглавлял психиатрические исследования в Мэрилендском центре психиатрических исследований в Кейтонвилле, штат Мэриленд, где мне посчастливилось принять участие в эксперименте Спринг Гроув — последней в США официальной исследовательской программе в области психоделической терапии. На протяжении этих лет мы провели несколько крупных контролируемых исследований, объектами которых выступили группы пациентов-невротиков, алкоголиков и наркоманов. Также в целях обучения мы вводили психотропные препараты профессиональным психиатрам и осуществили программу психоделической терапии для раковых больных (эта программа довольно подробно описывается в данной книге).

Изначально я прибыл в Соединенные Штаты с годичным визитом, который превратился в постоянное изгнание после ввода советских войск в Чехословакию. Персонал Спринг Гроув с любовью принял меня в свою исследовательскую команду и распахнул передо мной двери своих домов. Семь лет я провел в Балтиморе, в окружении друзей и единомышленников, в по-человечески благодатной и профессионально стимулирующей атмосфере. Это незабываемый период в моей жизни и источник множества чудесных воспоминаний. Исследования, которые мы проводили все вместе в Мэрилендском центре психиатрических исследований, используя психоделическую терапию для лечения раковых больных, — один из основных источников информации для этой книги. Я испытываю огромнейшую благодарность к этим удивительным

людям.

Сэнфорд Ангер был основным творцом и главным теоретиком исследовательского проекта Спринг Гроув и различных контролируемых исследований, осуществлявшихся в его рамках. В первые годы моего пребывания в Балтиморе Сэнди, его жена Ив и две их маленькие дочери стали моей второй семьей. Энтузиазм, энергия и преданность Уолтера Панке своему делу были жизненно необходимы для претворения в жизнь психотерапевтической программы с применением ЛСД и ДПФ для раковых больных. Его познания в медицине, психологии и религии, вкупе с его удивительными личными качествами, сделали его идеальным кандидатом на роль руководителя исследований в области применения психоделической терапии с умирающими. Сам Уолтер трагически погиб в июле 1971 года, так и не увидев завершения всех своих проектов. Уильям Ричардс сыграл важную роль в исследованиях ЛСД- и ДПФ-терапии и как теоретик, и как терапевт.

На разных стадиях исследований в Спринг Гроувском проекте в качестве терапевтов участвовали и другие представители персонала Мэрилендского центра психиатрических исследований. Я благодарю Томаса Чимонетти, Роберта Лихая, покойного Франко ди Лео, Джона Лобелла, Джона Рэда, Роберта Соскина, Сиднея Вулфа и Ричарда Йенсена. Марк Шиффман и Локвуд Раш занимались в центре работой с носителями. Благодаря их преданности своей работе и энтузиазму, большая часть материалов, описанных в этой книге, сохранилась в качестве видеозаписей. Хелен Бонни сделала свой уникальный вклад в развитие психоделических исследований, выступив нашим музыкальным консультантом, помощником терапевта и ассистентом исследователя.

Я хочу выразить свою признательность Нэнси Джуэлл, Карен Лихай и покойной Илзе Ричардс за их чуткое и преданное участие в работе с раковыми больными в качестве медсестер и ассистенток. Все трое проявили в своей работе необычайный интерес, энтузиазм и инициативность, а также с огромным пониманием относились ко всем дополнительным обязанностям, которые возлагались на них в силу необычного характера психоделической терапии с раковыми больными. Также я хотел бы отметить роль моей бывшей жены Джоан Хэлифакс, которую она сыграла в исследовании рака за тот год, который прожила в Балтиморе. На протяжении этого времени она была моей ассистенткой во время сеансов терапии с раковыми больными, включая кое-кого из тех, чьи истории приведены в этой книге, и была моим соавтором при написании другой, более ранней книги о смерти и умирании. Она также познакомила меня со многими своими друзьями-антропологами, и эти связи помогли мне лучше рассмотреть результаты моих исследований с точки зрения различных кросскультурных перспектив.

Моя особая благодарность Альберту А. Курланду, директору Мэрилендского центра психиатрических исследований и специальному уполномоченному по исследованиям департамента психогигиены штата Мэриленд. Хотя его ответственный пост и сложные административные обязанности не позволили ему принимать участие в непосредственной клинической работе по проекту, его роль как организатора, координатора и советчика была одной из ключевых. Чарльз Сэведж, помощник директора, заслуживает всяческого уважения за неоценимую помощь и поддержку, которую он оказывал нам на протяжении многих лет.

Переживательная программа психоделической терапии для раковых больных никогда бы не была воплощена в жизнь, если бы не исключительное понимание и готовность к сотрудничеству со стороны хирурга Луиса И. Гудмана, возглавляющего Онкологическую клинику в больнице Синай. Кроме того, персонал этой больницы заслуживает благодарности за свой интерес, помощь и готовность предоставить любые свои ресурсы для изучения этой неизведанной и очень деликатной области. Моя особая благодарность тем организациям, которые обеспечивали

необходимое финансирование для нужд Спринг Гроувского проекта, а именно Департамент психогигиены штата Мэриленд и Национальный институт здравоохранения. Особенно значимой была финансовая поддержка со стороны Фонда Мэри Рейнольдс Бэбкок, которая позволила углубить нашу деятельность в самый критический момент. Также я хочу отметить административную и финансовую помощь, которую нам оказывала балтиморская компания Friends of Psychiatric Research, Inc..

Эта книга выходит далеко за рамки описания клинической работы с психоделическими препаратами и затрагивает другие дисциплины: антропологию, сравнительное религиоведение, философию и мифологию. Я глубоко благодарен моим друзьям и коллегам, которые познакомили меня с этими областями знаний и снабжали меня важной и ценной информацией. Я глубоко в долгу перед индейскими, мексиканскими и южноамериканскими шаманами, которые познакомили меня с мировоззрением и практиками своего древнего искусства врачевания. Особая часть моего сердца принадлежит дону Хосе Матсуве, столетнему шаману племени уичолей в Центральной Мексике, который на протяжении долгих лет был мне и моей жене Кристине учителем и близким другом.

Энджелес Эрриен, антрополог и специалист по мистической традиции басков, была настоящим другом и живым примером того, каким образом можно объединить женские и мужские черты собственной психики и как следовать мистическим путем, не утрачивая практического склада ума. Майкл и Сандра Харнеры, которые также входят в число самых близких наших друзей, оказали мне серьезную поддержку, воодушевляли меня и предоставили мне множество возможностей разделить с ними необычные впечатления и приключения. Респектабельный ученый Майкл, который во время полевой работы на Амазонке прошел шаманскую инициацию, — это важный пример и образец в жизни для меня самого.

В июле 1971 года мне представилась возможность принять участие в симпозиуме «Ритуалы: примирение в изменениях», задуманном и проведенном Маргарет Мид и Мэри Кэтрин Бейтсон, дочерью Маргарет от Грегори Бейтсона. За время долгих и заставляющих о многом задуматься обсуждений с тринадцатью другими собеседниками, которые в течение девяти дней происходили в австрийском Бург-Вартенштайне, я получил несколько важных уроков, касающихся ритуалов посвящения и их значения для человеческого общества. Эта встреча посеяла у меня в голове семена, которые дали всходы годы спустя и приняли ту форму, которая изложена в этой книге.

С Грегори Бейтсоном мне посчастливилось провести сотни часов за напряженнейшими частными и научными разговорами. Это было в последние два года его жизни, когда мы оба занимались исследованиями и жили при Институте Эсален в Биг-Сур, штат Калифорния. Он был для меня важным учителем и близким другом. Грегори резко критиковал механистическое мышление в науке, а его творческий синтез кибернетики, теории информации и систем, психиатрии и антропологии оказали глубочайшее влияние на мое собственное развитие.

Джозеф Кемпбелл, плодовитый мыслитель, великолепный учитель и дорогой друг, играл очень важную роль, как в моей частной, так и в профессиональной жизни. Он радикальным образом изменил мое понимание мифологии и указал мне на ее высочайшую значимость для психиатрии, психологии и более глубинного понимания человеческой жизни и смерти. На протяжении многих лет его поистине энциклопедические познания в мировой мифологии помогали мне понимать многочисленные опыты, которые переживали мои клиенты, находясь в измененном состоянии сознания.

Рик Тарнас, психолог, философ, историк и блестящий астролог, был моим близким другом на протяжении более чем трех десятилетий. Наши многочисленные частные разговоры, занятия и семинары, которые мы проводили по психологии измененных состояний сознания и

архетипической психологии, были для меня неиссякаемым источником интеллектуальных открытий и вдохновения.

Френсис Воон и Роджер Уолш, первопроходцы трансперсональной психологии, сделавшие огромный вклад в развитие этой области, принадлежат к узкому кругу друзей, который регулярно собирается в районе залива Сан-Франциско. Эти встречи дали мне возможность обсудить многие из изложенных в этой книге идей и получить в ответ много бесценных наблюдений. Регулярно принимавший в них участие Рам Дасс — образец духовного искателя — делился с нами своим глубоко личностным опытом в отношении того, что может обещать человеку такая дорога и какие опасности могут его подстергать на ней. Его мудрость и способность обращать все аспекты собственной жизни в способ духовного обучения вдохновляли всех нас.

Свами Парамаханса Муктананда, основатель линии преемственности сиддха-йоги, оказал мне и моей жене Кристине неоценимую помощь на нашем духовном пути. Частые и тесные контакты с этим невероятным человеком на протяжении многих лет подарили нам уникальную возможность наблюдать и испытывать на себе мощное влияние живых духовных традиций на человеческую жизнь. Конференция Международной трансперсональной ассоциации в феврале 1982 года в Бомбее, которую мы с Кристиной организовали при содействии ашрама Ганешпури, оставила незабываемый опыт.

Джек Корнфилд, трансперсональный психолог и учитель випассна-буддизма, на протяжении тридцати лет играл исключительную роль в нашей жизни. Он был удивительным учителем, дорогим другом, коллегой и соратником в наших поисках. Будучи редким примером уважаемого представителя духовной области, у которого слова не расходятся с делом, Джек учит других своей жизнью в той же мере, что и своими блестящими лекциями, приправленными тонким юмором. Нам истинно повезло, что Джек и его семья встретились нам в нашей жизни.

Хьюстон Смит, знаменитый специалист в области религии, философ и писатель, был моим другом и учителем с нашей первой встречи в конце 60-х годов, когда он принимал участие в нашей исследовательской программе по психоделикам в Спринг Гроув в Балтиморе. Его книги, лекции и фильмы стали для меня кладом информации о величайших религиях мира и мистическом мировоззрении. Я особенно благодарен ему за то, что он нашел время в своем плотном расписании на то, чтобы написать предисловие к этой книге.

Были и другие духовные учителя, оказавшие глубочайшее влияние на мою жизнь, мою работу и мой духовный путь: тибетские буддисты лама Говинда, Чогьям Трунгпа и Согьял Ринпоче, а также монах-бенедиктинец брат Давид Стайндль-Раст. Кроме того, мы с Кристиной на протяжении многих лет дружили с Аджитом Мукерджи, знаменитым специалистом по тантре и автором многочисленных книг о тантрической науке, искусстве и ритуалах. Бывая в Эсалене и сопровождая нас в качестве гида в нашем паломничестве по священным местам Индии, он поделился с нами значительной частью своих глубочайших познаний в области этой необычайной духовной системы.

Особая благодарность Таву и Кэри Спарксам, которые являются нашими близкими друзьями и коллегами на протяжении двадцати лет. Оба они сыграли ключевую роль в нашей программе тренировки холотропного дыхания, а также в семинарах и конференциях по всему миру — Тав в качестве моего спутника, соведущего, а в последние годы — главы программы, а Кэри — как административный директор и душа проекта.

Список моих благодарностей будет неполным, если я не выражу свою глубочайшую признательность Кристине, моей жене, возлюбленной, лучшему другу, коллеге и сподвижнице в духовном поиске, за все то, что она привнесла в мою жизнь и наши совместные проекты. Среди прочего, она создала международную программу «Сеть работы с духовными кризисами» и

вместе со мной разрабатывала технику холотропного дыхания, мощную форму терапии и самопознания, которая часто будет упоминаться в этой книге. Кроме того, она сделала неповторимый вклад в понимание взаимоотношений между зависимостью, привязанностью и духовным поиском. Моя благодарность идет рука об руку с моими извинениями за все те случаи, когда работа над этой книгой посягала на нашу частную жизнь.

Я не могу перечислить поименно всех, кто сделал свой вклад в создание этой книги, кому я бесконечно благодарен и перед кем я в неоплатном долгу. Я говорю сейчас о сотнях пациентов отделения психиатрии, которые с невероятным мужеством исследовали глубины собственной психики в ходе сеансов психоделической терапии и делились со мной своими открытиями и наблюдениями. То же самое касается многих тысяч людей, принимавших участие в наших семинарах по холотропному дыханию. Моя особая благодарность моим пациентам из Спринг Гроув, чье символическое переживание смерти во время сеансов обозначало непосредственную подготовку к приближающемуся величайшему путешествию. Без любезного сотрудничества со стороны этих отважных людей и их близких эта книга никогда не была бы написана.

Наконец, я хочу выразить благодарность нескольким людям, которые сыграли ключевые роли в публикации этой книги. На протяжении многих лет Рик Доблин, президент Междисциплинарной ассоциации психоделических исследований и издатель этой книги, предпринимал активные попытки исправить ошибочные представления общественности о психоделических препаратах, связанные со случаями их приема без наблюдения врача, стараниями охочих до сенсаций журналистов и плохо информированных законодателей, а также пытался добиться легализации этого экстраординарного инструмента для ответственного использования. Предложение Рика дало мне стимул для написания этого внушительного трактата о психологических, философских и духовных аспектах смерти. За окончательный вид этой книги я глубоко благодарен Элизабет Гибсон, которая редактировала рукопись; я благодарен ей за глубокое знание предмета, дотошное внимание к деталям и любовную преданность, с которой она подошла к своей работе. Я благодарен Марку Пламмеру за прекрасный дизайн обложки и его художественную и техническую помощь с богатыми иллюстрациями, которыми сопровождается текст, и Брэнди Дойл за внимательное сопровождение различных аспектов процесса публикации. Также я хочу поблагодарить Яхью Кабила за его щедрую помощь с частями, касающимися ислама.

Я глубоко благодарен Майклу Маркусу, Джанет Занд, Джону Бьюкенену, Бобу Шварцу, Бокаре Лежандр и Бетси Гордон за то, что они на протяжении многих лет поддерживали меня в моей работе.

ВВЕДЕНИЕ

Современная психология открыла, насколько большое влияние на нашу жизнь имеет травма рождения. Что же мы можем сказать о травме смерти? Если мы верим в непрерывность жизни, не должны ли мы придавать равное значение смерти?

Лаура Хаксли. Этот вечный миг

Трудно представить себе более универсальный и лично значимый для каждого предмет разговора, чем смерть и умирание. На протяжении своей жизни все мы теряем родственников, друзей, учителей и знакомых, а в финале остаемся наедине с необходимостью собственного биологического конца. Однако, как ни странно, современная западная индустриальная цивилизация вплоть до конца 60-х годов XX века демонстрировала практически полное равнодушие к разработке области смерти и умирания. Причём не только обычные люди, но и учёные, те специалисты, которым по роду их занятий следовало интересоваться вопросами данной области: врачи, психиатры, психологи, антропологи, философы и теологи. Единственным правдоподобным объяснением сложившейся ситуации может быть массовое отрицание смерти и психологическое подавление всего, что относится к данной теме.

Смерть и умирание в доиндустриальных обществах

Подобное безразличие тем более разительно по сравнению с доиндустриальными обществами, где отношение к смерти и процессу умирания было диаметрально противоположным. В древних высокоразвитых цивилизациях смерть притягивала воображение людей и во многом вдохновляла их искусство и архитектуру. В Древнем Египте концентрация на загробном мире нашла выражение в возведении монументальных пирамид, больших некрополей, величественных усыпальниц, а также в бесчисленных живописных изображениях и скульптурах. В Центральной Америке периода до испанского завоевания у майя и ацтеков пирамиды, храмы и даже поля для игры в мяч были местами сложных ритуалов, связанных со смертью. Мавзолей в Галикарнасе, где был похоронен правитель одной из провинций Персидского царства Мавзол из Карики, построенный его супругой Артемизией, считался одним из семи чудес света в древности.

Ещё один величественный пример погребальных памятников — гробница китайского императора Цинь возле Сианя в провинции Шэньси, где вместе с владыкой было похоронено свыше семи тысяч скульптур пеших воинов и коней из обожжённой глины — целая терракотовая армия, которая должна была охранять его в загробном мире. Согласно археологическим данным, легендарный минойский дворец на Крите был не царской резиденцией, а гигантским некрополем (Wunderlich 1972). Династия Великих Моголов в Индии оставила нам в наследство прекрасные гробницы и мавзолеи, среди которых гробница Великого Акбара и легендарный Тадж-Махал, построенный Шахом Джаханом в память о своей любимой жене Нур Махал. Это лишь немногие примеры мощного влияния темы смерти на древние цивилизации.

Во все времена и у всех народов в доиндустриальном обществе смерть выступала как

важный элемент культуры. Большая часть туземного искусства в разных частях света посвящена изображению мира духов, посмертных странствий души и, особенно, наиважнейшей области — мира предков, которых почитали и одновременно боялись. Практически повсеместно у туземных народов в погребальных обрядах находит отражение неколебимая вера в загробную жизнь и двойственное отношение оставшихся жить к умершим. Многие аспекты этих обрядов отражают стремление облегчить и ускорить переход умерших в мир духов. Однако не реже отмечается и противоположная тенденция — попытки установить ритуальную связь между живыми и мёртвыми в поисках защиты. Во множестве погребальных ритуалов выделяются черты, которые можно интерпретировать как способствующие быстрейшему переходу умершего в мир иной, а также препятствующие возвращению оттуда.

Смерть как переход в другие реальности

Подобное различие отношения к смерти в индустриальном и доиндустриальном обществе лучше всего может быть проиллюстрировано сравнением того, как человек умирал, в контексте того и другого. В космологии, философии, мифологии цивилизаций Древнего мира и туземных народов, а также в их духовной жизни, ритуалах и обрядах содержится ясное представление, что смерть не является абсолютным и необратимым концом всего. Сознание, жизнь или существование длится в некоей форме и после исчезновения биологической оболочки. Вариацией на тему о продолжении существования после смерти является широко распространённое представление о перевоплощении. Помимо признания бестелесного существования после смерти отдельного человека оно содержит также идею о возвращении к материальному существованию в новом теле. В индуизме, буддизме и джайнизме это представление связано с законом кармы, согласно которому качество последующих воплощений напрямую связано с балансом заслуг и прегрешений из предшествующих жизней.

Практически во всех эсхатологических мифах душа умершего переживает сложные приключения сознания. Посмертное путешествие души иногда описывается, то как перемещение среди фантастических пейзажей, несколько напоминающих земные, то как встречи с рядом архетипических существ, то как движение сквозь череду необычных состояний сознания. В некоторых культурах душа достигает временного пристанища в Запредельном — наподобие чистилища в христианстве или одного из миров-лок тибетского буддизма, а в других навечно поселяется там — на небесах, в аду, раю или солнечной сфере. В этих культурах не существует ни малейшего сомнения в существовании иных невидимых духовных областей, таких как астральные сферы и мир предков.

Таким образом, в доиндустриальных обществах, казалось, признавалось, что смерть является не последним поражением и всеобщим концом, а важным переходом. Опыт, связанный со смертью, рассматривался как посещение важных измерений действительности, которые заслуживали переживания, изучения и тщательного “картографирования”. Умиравшим были хорошо знакомы эсхатологические карты их собственной культуры, будь то шаманские представления о пейзажах загробных угодий, или изошрённые описания восточных духовных систем, изложенные, скажем, в тибетской Книге Мёртвых «Бардо тходрол». Этот важный буддийский текст заслуживает особого внимания, так как представляет собой интересный контрапункт к исключительно прагматическому акценту на производительной жизни и отрицании смерти, характерному для Западной цивилизации. Момент смерти описывается там как уникальная возможность для духовного освобождения от циклов смерти и возрождения, а в случае, если освобождение ещё не может быть достигнуто — как период, определяющий нашу следующую воплощению. В этом контексте становится возможным рассматривать

промежуточные состояния между жизненными воплощениями (бардо) как более существенные по сравнению с существованием во плоти. Для подготовки к таким переживаниям требуется систематическая тренировка на протяжении всей жизни.

Ещё одним характерным аспектом древних и доиндустриальных культур, окрашивающим переживание процесса умирания, является отношение к смерти как к неотъемлемой части жизни. На протяжении своей жизни люди этих культур привыкали проводить время возле умирающих, обрядовать трупы, наблюдать за кремацией, держать прах родственников в своих жилищах. Западного человека посещение таких мест как Варанаси (Бенарес) в Индии, где подобное отношение находит крайнее выражение, может основательно потрясти. Кроме того, в доиндустриальных культурах люди умирают обычно в кругу большой семьи, «на миру» — в своём роде, племени. Таким образом, они могут получить значимую эмоциональную поддержку от людей, которых близко знают. Важно также упомянуть могущественные ритуалы, проводимые над умирающими, которые должны помогать людям, стоящим на пороге финального перехода, или даже особым образом руководить ими, как это описано в «Бардо тходрол».

Исключительно важным фактором, оказывающим влияние на отношение к смерти и переживание умирания в доиндустриальных обществах, являются существующие там формы эмпирической подготовки к смерти. Все их объединяет переживание необычных состояний сознания, вернее — особой их разновидности, для которых я изобрёл термин «холотропные состояния» (Grof 1992). Это сложное слово буквально означает «ориентированный на целостность «или «движущийся по направлению к целостности» (от греческого «холос»=цельный и «трепейн»= движущийся в направлении чего-то). Такие особые состояния, вызванные приёмом психоделических веществ, целым рядом нелекарственных методов или возникающие спонтанно, имеют огромный целительный и преобразующий потенциал, а также представляют собой важный источник информации о человеческом сознании, душе и природе реальности. Степень важности, придававшейся древними и туземными культурами холотропным состояниям, отражается в том, как много времени и энергии уделялось ими развитию «священных техник» достижения этих состояний.

В череде переживаний, возникающих в холотропных состояниях, проявляются глубинные последовательности психически-духовного переживания смерти и возрождения, ощущение космического всеединства, которые способны радикально преобразить отношение к смерти и самому процессу умирания. Древние и доиндустриальные общества предоставляли своим членам множество социально-приемлемых контекстов для переживания подобных состояний. Наиболее древним из этих социальных институтов является шаманизм — духовная система и искусство целительства, неразрывно связанная с холотропными состояниями сознания, смертью и умиранием. Путь множества шаманов начинается с так называемой «шаманской болезни» — спонтанно переживаемого кризиса инициации, включающего в себя визионерское путешествие в подземный мир, переживание психологической смерти и возрождения, а также восхождения в небесные, вышние пределы. Познание сферы смерти, обретенное во время этой трансформации, даёт шаману возможность свободно переноситься из одного мира в другой и использовать подобные путешествия для лечения и для более глубокого постижения. Шаманы и шаманки могут также способствовать осуществлению подобных путешествий другими.

Другим контекстом, позволяющим обрести опыт умирания, являются описываемые антропологами *ритуалы перехода*. Эти сложные ритуалы, соблюдаемые в туземных культурах во время важных физиологических и социальных переходов, таких как рождение, обрезание, наступление половой зрелости, женитьба, умирание и др. Практически все описанные выше

эффективные приёмы изменения состояния сознания используются в ритуалах посвящения. Пристальное исследование вызванных состояний и внешней символики, сопровождающей проведение ритуалов, показывает, что все они концентрируются вокруг триады рождение-секс-смерть и переживания психодуховного возрождения. В таких культурах люди множество раз имеют возможность пережить и преодолеть смерть. Когда наступает срок их собственной биологической кончины, они ступают на уже знакомую территорию.

Тесно связаны с ритуалами перехода древние мистерии смерти и возрождения, сложные священные и тайные обряды, при которых также применялись могущественные изменяющие сознание психотехники. Они существовали во многих частях света, но особенно были распространены в Средиземноморье. Инициация основывалась на мифах о божествах, символизирующих смерть и возрождение — вавилонских Иштар и Таммузе, египетских Исиде и Осирисе, греческих Дионисе, Аттисе и Адонисе и ряде других. Самыми знаменитыми из них были Элевсинские таинства, основанные на истории о похищении Персефоны Аидом, увлечшим её в свой подземный мир, и её периодических возвращениях на землю. Таинства проводились через четыре года на пятый в Элефсисе, городке неподалеку от Афин, на протяжении почти двух тысяч лет. Считалось, что опыт смерти и возрождения, переживаемый на этих таинствах, освобождал посвящённых от страха смерти и коренным образом преображал их жизнь.

Особый интерес для исследователей трансперсональной психологии представляют различные мистические традиции и великие духовные учения Востока. Сюда относятся системы йоги, буддийские учения от тхеравады и тибетской тантрической ваджраяны до дзен-буддизма, даосизм, суфизм, христианский мистицизм, каббала и др. Всеми этими системами были разработаны эффективные виды молитв, медитаций, медитаций в движении, дыхательных гимнастик и прочих действенных видов психотехники для введения человека в состояние изменённого сознания с глубокими духовными компонентами. Подобно переживаниям шаманов, посвящаемых в обрядах инициации и неопитов в древних мистериях, такие процедуры давали возможность людям осознать собственную смертность и преходящесть, перебороть страх смерти и радикально изменить свой образ жизни.

Описание доступной умирающим поддержки в доиндустриальных культурах будет неполным, если не упомянуть Книги Мёртвых — такие как тибетскую “Бардо тходрол”, египетскую “Перт Эм Хру”, ацтекский “Кодекс Боржиа”, “Керамические тексты” майя или европейскую “Ars moriendi”. Все эти тексты содержат подробное описание того, что душа может встретить после смерти биологической оболочки во время посмертных странствий. Как мы рассмотрим далее, они также могут иметь иную весьма важную функцию. Ими можно пользоваться при жизни в качестве руководств по духовной практике и пособий по самостоятельному исследованию холотропных состояний сознания.

Как мы видели ранее, умирая, человек в древних и туземных культурах был вооружён системой духовных и философских представлений, простирающихся за момент смерти, и подготовлен на практике к этому моменту чередой ритуалов, включающих холотропные состояния сознания. Умирающих окружали сородичи, ритуалами зачастую помогающие им переходить с одной стадии на другую. В некоторых культурах устная традиция повествовала об устройстве тех областей, которые душам умирающих предстояло пересечь, письменные источники также служили руководством в предстоящем странствии.

В индустриальном же обществе мы наблюдаем диаметрально противоположную картину. Умиравшие здесь по преимуществу люди прагматических или атеистических взглядов, либо испытавшие сильное воздействие таких взглядов. Согласно западной науке и монистической материалистической философии, история Вселенной есть по существу история эволюции материи. Жизнь, сознание и разум — всего лишь случайные и несущественные побочные продукты такой эволюции. Они возникли на исторической арене через несколько миллиардов лет развития пассивной и инертной материи в незначительном уголке Вселенной. В мире, где реальным считается лишь материальное, лишь то, что можно пощупать и измерить, нет места любого рода духовности.

Роль религии

Хотя отправление религиозных видов деятельности обычно разрешается, или даже формально поощряется, но со строго научной точки зрения, любое погружение в духовную сферу представляется иррациональным занятием, указывающим на эмоциональную и интеллектуальную незрелость — недостаток образования, склонность к примитивным предрассудкам и сползание в область мистических инфантильных представлений. Непосредственное переживание духовных реальностей рассматривается как проявление серьёзного умственного расстройств, психоз, искажение реальности, вызванное патологическим поражением мозга. Лишённая своей практической составляющей, религия в значительной мере утратила связь со своим глубинным духовным источником, что в итоге опустошает, лишает её смысла, она перестаёт быть положительной и полезной силой в нашей жизни. В своей современной форме религия не способна соперничать в убедительности с материалистической наукой, авторитет которой высоко поднимают её технические триумфы. Без достоверного опыта духовных переживаний хорошо образованные люди будут склоняться к атеизму, а менее развитые интеллектуально будут подвержены самым бредовым формам фундаментализма.

Взгляд сознания

Согласно западной нейрофизиологии, сознание есть сопутствующий признак материи, продукт физиологических процессов мозга, и таким образом чрезвычайно зависимо от тела. Смерть тела, вернее — мозга считается абсолютным концом всех форм деятельности сознания. Вера в жизнь после смерти, посмертное путешествие души, потусторонние пределы и пристанища, в перевоплощению относится к области сказочных преданий или же помещаются в описание историй болезни в учебниках психиатрии. Ее рассматривают как стремление примитивных или простодушных людей, неспособных принять непреложный биологический императив смерти, выдать желаемое за действительное. Однако такой подход искажает всю духовную и сакральную и ритуальную историю человечества.

Очень небольшое количество людей, включая почти всех учёных, осознаёт, что у нас нет абсолютно никаких доказательств, что сознание на самом деле является продуктом деятельности мозга. Более того, нет ни малейшего представления, как это может осуществляться. Никто из учёных ни разу не попытался конкретно ответить на вопрос, каким образом преодолеть бездну между материей и сознанием. Однако, невзирая на такое противоречие, основное метафизическое предположение, что сознание является сопутствующим признаком материи, остаётся ведущим мифом западной материалистической науки, что

оказывает фундаментальное влияние на всё наше общество. Не существует также никакого научного доказательства отсутствия духовного изменения в строении Вселенной. Собственно, как я постараюсь показать в данной книге, на самом деле есть более чем достаточный массив доказательств существования невидимых в обычных условиях сверхчувственных измерений действительности. Но пока господствующее в индустриальной западной цивилизации мировоззрение и официальные формы богослужения предоставляют умирающим не очень много поддержки.

Научный интерес к смерти и умиранию

Вплоть до 70-х годов XX века такие взгляды на смерть практически не давали развиваться интересу учёных в исследовании опыта умирающих пациентов и людей в ситуациях на грани смерти. За редким исключением данная область игнорировалась, а публикации представляли собой либо популярные книги не для специалистов такие как “Преддверие” Джесс Вайс (Jess E. Weisse “The Vestibule”, 1972), “Заглянув за грань” Жан-Батиста Делакура (Jean-Baptiste Delacour “Glimpses of the Beyond”, 1974), либо сугубо научные труды, такие как подробное исследование наблюдений врачей и медсестёр у кровати умирающих К.Осис (Osis 1961). Все эти книги были отнесены к области парапсихологии и отклонены как несущественные для науки.

Ситуация изменилась после публикации новаторской книги Элизабет Кюблер-Росс “О смерти и умирании” в конце 60-х (Kübler-Ross) и в середине 70-х книги Раймонда Моуди “Жизнь после жизни” (Moody 1975), ставшей бестселлером во всём мире. За время, прошедшее с тех пор, Кен Ринг, Майкл Сабом и другие пионеры танатологии собрали внушительный свод свидетельств о необычайных свойствах переживаний на грани смерти — от точной передачи сверхчувственного восприятия во время опыта существования вне тела до глубоких изменений личности, последовавших вслед за этим. Сведения об этих исследованиях широко распространялись средствами массовой информации, от бестселлеров до телевизионных ток-шоу и голливудских фильмов.

В результате подобной широкой кампании, как специалисты, так и публика в целом теперь осведомлены в основных чертах о переживаниях на грани смерти. И всё же даже столь кардинальные наблюдения, способные изменить всю парадигму мышления, революционизировать понимание нами природы сознания и его взаимоотношений с мозгом, отметаются большинством профессионалов как не имеющие особого значения галлюцинации, порождённые биологическим кризисом тела в целом и мозга в частности. Обычно их не записывают и не включают в историю болезни пациента, как несущественные. Пережившим клиническую смерть в большинстве медицинских учреждений обычно не предоставляется также никакой особой психологической поддержки, чтобы помочь включить столь необычный опыт в их дальнейшую жизнь.

Условия смерти и умирания

На Западе умирающим зачастую не хватает человеческой поддержки, которая могла бы облегчить им переход. Мы стараемся защитить свой эмоциональный комфорт, устраняя больных и умирающих подальше от себя — в больницы и приюты. Там основной упор делается на системах поддержания жизнеобеспечения и механическом продолжении жизни, часто с нарушением всех разумных пределов, вместо того, чтобы обеспечить душевную человеческую поддержку и повысить качество последних дней. Семейная структура общества распалась, дети зачастую живут очень далеко от родителей и дедушек с бабушками. Когда здоровье критически

ухудшается, контакты с родственниками нередко весьма формальны и минимальны. Специалисты в области психиатрии, разработавшие эффективные методы поддержки и консультаций в условиях разнообразных эмоциональных кризисов, по-прежнему не обладают действенными методами помощи умирающим при их переходе. Люди перед лицом наиболее глубокого из всех возможных кризисов, захватывающего одновременно все аспекты существования личности — биологический, эмоциональный, межличностный, общественный, философский и духовный, остаются за бортом, без значимой помощи.

Все это происходит в более широком контексте коллективного отрицания преходящности и смертности, присущем западной индустриальной цивилизации. Большая часть нашей встречи со смертью происходит в стерилизованном виде, когда целая команда специалистов уменьшает её непосредственное воздействие. В самом крайнем выражении в эту группу входят посмертные парикмахеры и брадобрее, портные, гримёры, пластические хирурги, которые целым рядом косметических ухищрений приукрашивают труп, прежде чем предъявить его родственникам и друзьям. Газеты и журналы ещё сильнее отдалают от нас смерть, переливая её в пустую статистическую цифру, бесстрастно сообщая о тысячах жертв, погибших в войнах, революциях, природных катастрофах. Кино и телевидение тривиализируют смерть, выводя насилие на экраны во всё возрастающих объёмах. Современные зрители получают прививку против эмоциональной значимости смерти, когда наблюдают бесконечные сцены смерти и убийств в виде развлечения. В целом, справедливо будет заключить, что условия жизни, существующие в современных технологически развитых странах, не могут предложить людям достаточно эмоциональной и психологической поддержки перед лицом смерти.

Обзор книги

В этой книге я рассмотрю данные исследований человеческого сознания, которые революционизировали понимание смерти и умирания, а также открыли новые подходы в работе с умирающими. В первой части я опишу вначале древние и туземные ритуальные и духовные практики, которые могут помочь нам пережить смерть, найти эффективные способы облегчить уход из жизни, придать ему смысл. В ряде глав основное внимание будет уделено подготовке к смерти — в шаманизме, обрядах перехода, древних мистериях, а также в различных мистических и восточных духовных системах. После обсуждения ритуальных и духовных практик, важных для понимания смерти, одну главу я посвящу специально Книгам Мёртвых — тибетской “Бардо тхдрол”, египетской “Перт Эм Хру”, ацтекскому “Кодексу Боржиа”, “Керамическому кодексу” майя и европейской “Ars moriendi”.

Во второй части книги я рассмотрю данные современных исследований, которые проливают свет на целый ряд явлений, связанных со смертью и умиранием. Вначале отдельная глава будет отведена расширенной картографии психики, сложившейся в результате полувека моих исследований в области психоделической терапии, холотропного дыхания и спонтанных социально-психических кризисов. Наличие такой карты является необходимым предварительным условием любого серьёзного рассмотрения проблем, затрагиваемых в книге, от различных форм ритуального преображения, до проблемы сознания на пороге смерти. В последующих главах будут рассмотрены области исследования, важные при рассмотрении вопроса о существовании сознания после смерти — изучение опыта клинической смерти, кармы и перевоплощения, обмена информацией с бестелесным сознанием и посмертного странствия

души.

Заключительные главы книги посвящены обсуждению эксперимента Спринг Гроув, программы психоделической терапии пациентов с неоперабельными формами рака. Будет дан очерк истории этого метода терапии, описана процедура, несколько конкретных случаев её применения, а также проанализированы клинические результаты. Заключительная глава книги включает обзор о понимании смерти в психологии, начиная от ранних соображений Фрейда до трансперсональных представлений, которые возникли в результате применения психоделической терапии и других направлений исследования человеческого сознания. В также будет рассмотрена практическая значимость материала книги для людей, живущих в технологически-развитых странах и возможные социо-политические применения полученных результатов для понимания современного глобального кризиса и его облегчения.

(рис. Стр. 28 оригинала. Колдун из пещеры Ле-Труа-Фрер. Загадочная составная фигура, сочетающая несколько мужских символов — рога оленя, глаза филина, хвост дикого коня или волка, человеческую бороду и лапы льва.)

1. ШАМАНИЗМ: АРХАИЧНАЯ ТЕХНИКА ЭКСТАЗА

*Знахарь достигает успеха по тем же причинам,
по которым их достигаем и все мы (врачи).*

В каждом пациенте заключен его собственный целитель.

*Они приходят к нам, не зная этой истины. И лучше всего мы
делаем свою работу тогда,*

*когда даем внутреннему целителю каждого пациента шанс
проявить себя.*

*— Альберт Швайцер, немецкий врач-терапевт, теолог,
философ и музыкант*

Традиции практической подготовки к смерти насчитывают десятки тысяч лет и начались ещё на рассвете человеческой истории. Они входят в качестве важной составной части в шаманизм — древнее искусство целительства и первую форму духовной практики, известную нам по археологическим памятникам. Сам термин “шаман” восходит по всей видимости, к тунгусо-манчжурскому слову “саман”, означающему буквально “тот, кто ведаёт”. Он отражает глубочайшее уважение к тому проникновению в тайны души и окружающей действительности, которыми обладает шаман. В более узком и специализированном смысле термин употребляется в антропологии — шаманами называют туземных сибирских целителей, которые пользуются ритуальным одеянием, бубном, обтянутым кожей с одной стороны, входят в транс и руководствуются видениями, являющимися им в странствиях. Расширительно этим словом называют туземных врачевателей в разных частях света, которых ещё именуют знахарями, ведунами, колдунами и чародеями.

От других целителей шаманов отличает использование ими необычных состояний сознания для исцеления себя самих и других людей. У шаманов стойкая репутация, числящая за ними способности диагностировать, исцелять и вызывать болезни, общаться с потусторонним миром и пользоваться сверхчувственным восприятием для предсказания будущего. Помимо прочих достижений, они славятся способностями видеть происходящее далеко от них, находить пропавших людей и предметы, влиять на погоду, следить за передвижениями животных, на которых ведётся охота. Они считаются охранителями психического и экологического равновесия своего народа, посредниками между видимым и незримым мирами, повелителями духов и сверхъестественными целителями.

Шаманизм — чрезвычайно древнее занятие, оно возникло, по меньшей мере, 30–40 тысяч лет назад, и уходит своими корнями в палеолитическую эпоху. Стены знаменитых пещер на юге Франции и севере Испании — Ласко, Фон-де-Гом, Ле-Труа-Фрер, Ла-Габиллу, Альтамира и других — украшены замечательными образами животных и мифических существ, обладающими, вне всякого сомнения, магическим и ритуальным смыслом. В некоторых из этих пещер находят изображения странных существ, в чьём облике сочетаются черты человека и животных, — без сомнения, шаманов. Самые знаменитые из них — Колдун из пещеры Ле-Труа-Фрер, Танцор из Ла-Габиллу и Повелитель зверей из Ласко. Хорошо также известна сцена охоты на одной из стен системы пещер Ласко, изображающая раненого бизона и расположенную лёжа фигуру шамана со стоячим пенисом. Шаманизм восходит к ещё более древнему культу пещерного медведя у неандертальцев, известного по святилищам межледникового периода, обнаруженным

в гротах Швейцарии и южной Германии.

Шаманизм не только восходит к древности, но также и сегодня повсеместно распространён на земном шаре: в Северной и Южной Америке, в Европе, Африке, Азии, Австралии, Микронезии и Полинезии. Тот факт, что такое множество различных культур на протяжении истории человечества находили шаманские практики полезными и значимыми, указывает на связь вызываемых шаманами холотропных состояний с тем, что антропологи именуют «первосознанием» — то есть первоосновой, самым базовым состоянием человеческой души, неподвластной расовым, половым, культурным и временным различиям. И по сей день в тех культурах, которые избегли разрушительного влияния западной индустриальной цивилизации, шаманские практики и методики продолжают существовать.

Посвятительные переживания

Шаманизм весьма близко связан со смертью и умиранием. Путь множества шаманов начинается с возникающего спонтанно видения. Посвятительный кризис или «шаманская болезнь», как называют его западные антропологи, принимает обычно вид глубоко переживаемого опыта духовной смерти и возрождения, являясь поразительным примером подготовки к реальной смерти. Посвятительный кризис не всегда наступает спонтанно. Практикующие шаманы зачастую посвящают своих учеников в шаманское ремесло, вызывая у них сходные состояния с помощью мощных изменяющих сознание процедур — психоделических растений или сочетанием барабанного ритма, звука погремушек, танцев, голодания и лишения сна. Этими же методами они пользуются в своих путешествиях и при работе с клиентами.

Будущие шаманы при посвящении в своих видениях обычно совершают путешествие в подземный мир, в царство мёртвых. Там на них нападают злобные демоны и подвергают мучительным испытаниям. Соскребают плоть с костей, вырывают глаза, высасывают кровь. Тела рубят на кусочки, варят в котле, а кости скелета разбрасывают по сторонам. После того, как тело посвящаемого или посвящаемой таким образом полностью уничтожается, кости распределяются между духами различных болезней. Считается, что в будущем шаман сможет исцелять от болезней, вызванных злыми духами, которые во время посвятельного кризиса питались его телом. Хотя в различных племенах и у отдельных шаманов отмечаются значительные расхождения в описании деталей испытываемых мучений, общая атмосфера ужаса и нечеловеческих страданий присутствует неизменно.

По пути в царство мёртвых шаманам приходится преодолевать ледяные ветры, пылающие леса, бурные реки и потоки крови. Подземный мир — опасное и страшное место. К примеру, он может держаться на человеческих костях и быть устлан женскими волосами, в тёмной кипящей воде там мучатся человеческие души, а кругом всё кишит жабами, ящерицами и прочими гадами. Посвящаемым приходится пересекать опасные тёмные воды реки на лодках вместе с трупами или на призрачных каноэ. Речные пороги там подобны огненным водоворотам, всё кругом источает болезни и смерть, а в деревне людоедов правит злобная Повелительница Подземного Мира. На Алтае шаманы пересекают дремучие леса и высокие горы, усыпанные костями умерших предков и их коней. Затем они предстают перед Повелителем Подземного мира, который воеет и рычит, словно бешенный бык, умилоствивляют его дарами и хитростью, а потом возвращаются домой на диком гусе. Якутскому шаману приходится продвигаться через глотку и внутренности гигантского змея, утыканные острыми шипами.

Пережив смерть, расчленение и полное уничтожение, шаман испытывает новое рождение. Он получает новую плоть, новую кровь, новые глаза и возносится в небесные пределы, в верхний мир. Наиболее распространённый способ этого вознесения — подъём по Мировому Древу, соединяющему собой все три мира и питаемом изначальной живой водой, совершающей круговорот в природе. Шаман может также испытать преобразование в птицу — орла, Громовую Птицу, ястреба, кондора — и полететь в царство солнца, либо быть отнесённым туда такой птицей. Иными архетипическими способами вознесения становятся путь по радуге, мосту из стрел, восхождение на священную гору или на шест с девятью зарубками. От Лапландии до Патагонии, с древних времён до наших дней архетипы, активизируемые во время шаманских испытаний и экзальтированных состояний, поразительно похожи.

Во время нисхождения в подземный мир, смерти и возрождения, а затем восхождения в небесные пределы будущие шаманы осознают своё солнечное естество. Они испытывают глубинную связь с силами природы и животными, как в их физической форме, так и в архетипической, называемой ими «животными силы». Таким животным свойственно умение говорить, оборачиваться человеком, и перемещаться в среде, не являющейся для них родной. К примеру, животное силы, связанное со зверем или змеей может летать. Животные силы не являются индивидуальными существами в полном смысле этого слова — скорее, они представляют собой весь род, как Койот, Медведь или Ворон. Переживаемые во время кризиса посвящения видения обычно несут с собой более глубокое понимание природы и происхождения болезней, что помогает будущим шаманам освободиться от различных расстройств эмоциональной, психосоматической, а иногда даже физической природы, которыми они страдали прежде. Поэтому антропологи нередко называют шаманов «ранеными целителями».

По успешном выходе из кризиса посвящения начинающие шаманы уже могут применять полученные ими в процессе знания для лечения других людей. Чтобы считаться шаманом следует полностью пройти через кризис посвящения, освоение полученных прозрений и продемонстрировать умение справляться с задачами повседневной реальности лучше прочих. Одного переживания опыта холотропного состояния недостаточно для этого. В туземных культурах существуют способы отличить настоящих шаманов от больных или безумных людей. Одарённые шаманы способны входить в изменённое состояние сознания по своей воле и сохраняя при этом контроль над собой. Холотропное состояние используется для целительства, сверхчувственного восприятия, исследования других измерений действительности и иных целей. Шаманы способны также вводить членов своего племени в подобные состояния, играя роль определённого рода проводников душ в загробный мир. Они предоставляют тем, кто странствует по сложным областям потустороннего мира, поддержку и служат провожатыми.

Приводимый ниже рассказ о посвящении авам-самоедского шамана, записанный А.А.Поповым, может послужить иллюстрацией опыта, открывающего путь к занятиям шаманством:

Заболев оспой, будущий шаман был без сознания трое суток, почти не отличаясь от умершего, его даже чуть не похоронили на третьи сутки. Он видел себя нисходящим в Ад, откуда, после множества приключений, был перенесён на остров, посередине которого росла тонкая берёза, достигающая неба. Это было Дерево Повелителя Земли, и сам Повелитель дал ему ветку с того дерева, чтобы сделать барабан. Затем рассказчик пришёл к горе и, войдя в разверстую пещеру, повстречал там голого мужчину, раздувавшего мехами огромный костёр под чайником. Этот мужчина поймал его палкой с крючком, отрезал голову, разрубил тело на части и положил всё в свой чайник. Там он варил тело три года, а потом выковал ему голову на

наковальне. Наконец он выловил из реки его кости, сложил вместе и покрыл их плотью. На протяжении странствий в Мире Ином будущий шаман повстречал несколько полубожественных существ в человеческом и зверином обличье, и все открывали ему какие-либо секреты или учили таинствам лекарского искусства. Проснувшись затем в своей юрте, среди родичей, он уже прошёл посвящение и мог начинать шаманить сам (Роров 1936).

В якутском мифе испытания, связываемые с рождением шаманов, описываются так: Мать всех Зверей, огромная орлица с железными перьями, когтями и клювом, высиживает шаманов: великих по три года на верхних ветвях дерева, а тех, кто попроще — по году, и на нижних ветках. Младенец вверяется заботам одноглазой, однорукой и одноногой шаманки-духу. Та поит его кровью в железной колыбельке, а потом передаёт трём чёрным духам, которые разрубают его на части и разбрасывают по сторонам. Шаману будет под силу исцелить заболевшего от тех болезней, чья злая сущность получила кусочек его плоти. Великих шаманов расчленяют трижды.

Хотя шаманизм сибирских и урало-алтайских народов привлекал главное внимание антропологов и этнографов, сходные практики и переживания, включая болезнь и посвящение, существуют и у народов Юго-Восточной Азии, Австралии, Океании, Африки, а также у индейцев Северной и Южной Америк. Согласно Мирча Элиаде, признанному авторитету в области изучения шаманизма, шаманы внесли значительный вклад в изучение смерти и связанных с ней переживаний (т. н. «загробную географию»). Повествования об их путешествиях являются, кроме того, важнейшим источником эсхатологической мифологии. Посредством повторяющихся магических странствий шаманов неизвестный и пугающий мир смерти обрёл форму, структуру, постепенно становясь всё более знакомым и приемлемым для их сородичей. Понемногу область смерти стала восприниматься как познаваемая, а сама смерть — как ритуал перехода в духовную форму бытия.

Целительные и преобразующие возможности шаманского кризиса

Мирча Элиаде называл шаманизм «архаичной техникой экстаза» (Eliade 1964). Однако значение термина «экстаз» здесь отличается от привычного: его следует понимать в изначальном древнегреческом варианте как выход из себя (*ek-stasis*), как шаг за пределы собственного «я». Видения шаманов вовсе не всегда полны радости и блаженства, весьма часто они пугающи и мучительны. Как мы увидим в дальнейших частях книги, многие переживания, характерные для шаманского кризиса посвящения — поглощение, чрезмерные эмоциональные и физические муки, испытание огнём, погружение в нечистоты и расчленение — регистрируются в психоделических сеансах с испытуемыми, которые фокусируются на процессе — психодуховной смерти и возрождения.

Господствующие направления психиатрии и антропологии чаще всего характеризуют психодуховные кризисы шаманов и самих этих людей как патологию. Диагнозы ставятся самые различные, от шизофрении, психоза пограничного состояния и эпилепсии до обострения истерии и «защитной реакции, обусловленной традиционной культурой». Есть много признаков, совершенно определённо отличающих шаманский кризис от шизофрении. В феноменологии преобладает мистическое измерение, отсутствует прогрессирующий распад личности, а также характерна высочайшая культурная функциональность. Опытные шаманы чувствуют себя как

дома и в обычной, и в изменённой реальности, успешно действуя в обеих. Они чаще всего активно проявляют себя в общественных, экономических и даже политических вопросах — как охотники, садовники, фермеры, политические деятели, художники и ответственные члены семьи. Шаманы демонстрируют замечательную энергию и выносливость, высокий интеллект и лидерские качества. Будучи высшим авторитетом в вопросах ритуалов и мифологии, они обладают глубоким практическим знанием территории смерти и умирания.

Современные исследования сознания и работа психотерапевтов с людьми, спонтанно переживающими изменённые состояния сознания, привели к радикальной перемене представлений о природе «шаманской болезни». Они показали, что при правильном понимании и поддержке духовно-психические кризисы разного рода могут способствовать исцелению, духовному раскрытию и глубокой позитивной трансформации личности. Они также способны дать истинное прозрение природы и различных измерений человеческой души, эмоциональных и психосоматических расстройств, а также природы действительности. Таким образом, шаманские «кризисы посвящения» принадлежат к широкой категории переживаний, способных разрушить жёсткие структуры «эго» и перестроить их в позитивном ключе (Dabrowsky 1966, Silverman 1970 and 1971, Perry 1974 and 1976). Поэтому следует относиться к ним как к проявления не душевной болезни, а, скорее, как к «духовным чрезвычайным ситуациям» (Grof and Grof 1990).

2. ОБРЯДЫ ПЕРЕХОДА: СМЕРТЬ И ВОЗРОЖДЕНИЕ В РИТУАЛЬНОМ ПРЕОБРАЖЕНИИ

Готовы ли вы к тому, что вас сотрут, вычеркнут, отменяют, превратят в ничто?

Готовы ли вы стать ничем? Погрузиться в забвение?

Если нет, вы никогда по-настоящему не изменитесь.

— Д. Г. Лоуренс, «Феникс»

Следующим важным примером общественных установлений, предоставлявших в древних цивилизациях и туземных культурах возможность через переживание подготовиться к смерти, являются ритуалы, связанные с переходом из одной социальной группы в другую. Термин «ритуалы перехода» был введён в научный обиход голландским антропологом Арнольдом ван Геннепом, автором первого научного труда на эту тему, впервые признавшего их важность и повсеместное распространение (van Genner 1960). Церемонии подобного рода существовали во всех известных туземных культурах и соблюдаются по сию пору во многих доиндустриальных обществах. Их основной целью является преобразование, новое определение роли и освящение отдельных людей, групп или даже целых культур.

Ритуалы перехода выполняются во время критических изменений в жизни индивидуума или культуры. Их проведение зачастую соответствует важной физиологической трансформации — родам, обрезанию, наступлению половой зрелости, вступлению в брак, началу менопаузы, умиранию. Это стадии в жизни посвящаемых, когда их тело, душа, социальный статус и священная роль претерпевают значительные изменения. Похожие ритуалы связаны с посвящением в воины, вступлением в тайное общество, с календарными праздниками обновления, переселением групп людей на новое место жительства.

В западной индустриальной цивилизации время главных переходов с одной жизненной стадии на другую обычно оценивается негативно. Это безусловно верно по отношению к половому созреванию, вступлению в период зрелости, старости и, конечно, умиранию. Даже роды обрели в нашей культуре несколько отрицательный оттенок, так как роженицу обычно низводят до роли пациентки, отправляя её для родов в клинику. Нередко пренебрежительное отношение к старикам и тем, кто поражён болезнью, особенно такой, которую принято называть «смертельной». Такие люди находятся между жизнью и смертью и поэтому перестают функционировать как полноправные общественные единицы; это одна из причин, почему умирающие зачастую воспринимаются как общественное и экономические бремя.

Типичные стадии ритуалов перехода

Автор термина «ритуал перехода» и первого научного труда на эту тему Арнольд ван Геннеп признавал, что во всех изучавшихся им культурах ритуалы такого рода разворачивались

по одному типу, делясь на три стадии: отделение, переход и объединение. На первой из них, при отделении, посвящаемых изымают из общественного окружения — семьи, клана или племени. На протяжении следующего за этим периода изоляции они могут оставаться либо полностью в одиночестве, либо в группе сверстников. Утрата знакомой почвы под ногами и отсутствие замены привычному приводит к некоему неопределённому пороговому состоянию, которое антропологи называют «промежуточным». Типичной реакцией, переживаемой испытуемыми, становится сильная печаль из-за утраты привычного образа жизни. Может также возникать страх от лишения опоры, перед неведомым, которое ожидает впереди. Возникающая ситуация весьма похожа на духовный кризис, когда знакомая реальность по чужой воле замещается ситуациями, требующими немедленной духовной перестройки. Однако когда инициация происходит в составе группы при ритуале перехода в племени, пугающий период отделения имеет и положительную сторону. В результате у новообращённых обычно формируется глубокое чувство привязанности и единства друг с другом.

Наступает момент, когда старшие члены племени передают посвящаемым представления о космогонии и мифологии, готовя их к следующей стадии ритуала — переходу. Для оптимального исхода трансформации необходима тщательная и обдуманная подготовка. Обращаемые получают большую часть информации о процессе инициации непрямым образом, через пересказ мифов, песни и танцы. Старшие также делятся с ними своими знаниями о тех областях опыта, которые им предстоит преодолеть. Обращаемые познают, что предстоящее странствие, несмотря на все его пугающие черты, лежит вне времени. По этому пути проходили до них и после них пройдут ещё многие — как их священные предки и обращаемые до них, так и те, кто родится позже. Понимание универсального характера испытываемого ими ободряет неофитов и помогает преодолеть трудность процесса трансформации.

Во время второй стадии, названной ван Геннепом переходом, неофиты продвигаются от преимущественно умственного постижения к непосредственному глубокому переживанию холотропных состояний сознания, которые вызываются мощными способами воздействия на сознание, «священными методами». К ним относятся различные ритмичные действия с использованием барабанов, бубнов и прочих ударных инструментов, музыки, пения, ритмических танцевальных движений, специальное изменение ритма дыхания, и культивация особых форм осознания окружающего. Длительная социальная и сенсорная изоляция — пребывание в пещере, пустыне, на льду в условиях Арктики, высоко в горах — играют важную роль в достижении испытуемым холотропного состояния. Ценность подобных состояний для различных групп людей была весьма велика, что отражается в тех чрезвычайных способах физиологического воздействия, к которым прибегали ради того, чтобы ввести посвящаемых в них: от длительного лишения сна, воды, пищи до применения сильнейших слабительных средств, кровопускания и причинения сильнейшей боли.

К наиболее действенным и сильным методам относится применение психоделических веществ растительного происхождения. Традиции их использования в духовных и ритуальных практиках насчитывают тысячи лет. Легендарный священный напиток, именуемый в древнеперсидской Зенд Авесте хаома, а в Индии сома, использовался индоиранскими племенами на протяжении нескольких тысяч лет и, вероятнее всего, послужил важнейшим источником ведической религии и философии. Препараты разновидностей конопли употреблялись для курения и внутрь в странах Востока, в Африке и Карибском регионе под различными названиями (гашиш, бханг, ганджа, киф, марихуана) как для расслабления, получения удовольствия, так и в религиозных церемониях. Они являли собой важное таинство для столь различных групп как брахманы, приверженцы ряда направлений суфизма, древние скифы и растафарианцы на Ямайке.

В Центральной Америке история применения психоделических препаратов также уходит корнями в древность. Весьма эффективные средства изменения сознания растительного происхождения известны в нескольких индейских культурах доиспанского периода — у ацтеков, майя и тольтеков. Шире прочих известны мексиканский кактус пейотль (*Lophophora williamsii*), священный гриб теонанакатль (*Psilocybe mexicana*), и ололюквы — семена ипомеи разных сортов (*Ipomoea violacea* and *Turbina corymbosa*). Вплоть до наших дней их используют в своих духовных практиках уичоли, масатеки, чичимека, кора и другие племена мексиканских индейцев; также они применяются в Церкви Коренных американцев.

В знаменитой в Южной Америке яхе или аяхуаске основным компонентом является растущая в джунглях лиана (*Banisteriopsis caapi*), к которой добавлены некоторые другие вещества растительного происхождения, содержащие ДМТ — диметилтриптамин. В бассейне Амазонки и на островах Карибского моря также используют различные нюхательные смеси. Туземные племена Африки принимают внутрь и вдыхают порошок из коры кустарника ибога (*Tabernanthe iboga*). В небольшом количестве он используется как стимулятор, в большем — при женских и мужских ритуалах инициации. Среди психоделических составов животного происхождения известны высушенная слизь некоторых видов жаб (*Bufo alvarius*) и мясо тихоокеанской рыбы *Cyphosus fuscus*. Перечисленные выше смеси и вещества представляют собой лишь малую часть тех, что на протяжении и многих веков применялись при обрядах и духовных практиках в различных странах мира.

Сочетание описанных практик и методов приводит посвящаемых к исцелению, расширению духовных способностей, глубокой трансформации личности и интеграции на более высоком уровне. Чаще всего они испытывают духовно-психическую смерть, возрождение и встречу с мистическими измерениями действительности. В контексте проводимых обрядов данный опыт интерпретируется как смерть в предыдущей роли и рождение для следующей. К примеру, из девочек и мальчиков при обряде инициации посвящаемые превращаются во взрослых мужчин и женщин, с правами и обязанностями, сопровождающими данный статус.

Третья стадия по ван Геннепу это объединение. Она заключается в возвращении личности к обществу в новой для неё роли, в зависимости от типа церемонии — как взрослого члена племени, вступившего в брак, как родителя, воина и т. п. При ритуале перехода индивидуум или социальная группа оставляют прежнюю роль позади и, после некоторого промежуточного периода, переходят в иное, совершенно новое жизненное состояние. Недавно прошедшие инициацию значительно отличаются от себя же до момента начала обряда. Пережив глубокое духовно-психическое преобразование, они обретают личную связь с мистическим измерением существования, значительно расширившийся взгляд на мир, лучшее понимание себя и иную систему ценностей. Столкнувшись с убедительным опытом собственного уничтожения и пережив его, они превосходят отождествление исключительно со своим телом и эго, утрачивают страх перед смертью и обретают новое отношение к жизни.

Ритуал перехода Окипа

В качестве примера впечатляющего и сложного ритуала перехода я опишу праздник Окипа у манданов — индейского племени Великих Равнин, живших возле реки Миссури. Я специально выбрал ритуал, вызывающий крайнее физическое страдание и боль, даже членовредительство. Этот пример показывает, насколько высоко в некоторых культурах ценится обретаемый таким

путём трансформирующий опыт и до каких крайностей могут доходить в погоне за его обретением. Естественно, существует множество других ритуалов перехода сходного свойства, значительно менее сложных и радикальных, чем праздник Окипа. Хотя в центре этого удивительного праздника инициация юношей, которые становятся мужчинами и воинами, он также включает танцы, призванные обеспечить удачную охоту на бизонов и умилоствить злых духов, а также празднование окончания мифологического потопа.

В начале ритуала раскрашенный белой глиной и облаченный в роскошные одежды участник церемонии выводил группу молодых людей, разрисованных глиной разных цветов, на площадку. Он изображал собой Первого человека, Первого предка. Все входили в большое круглое строение и рассаживались по обе стороны от Первого предка. Выкурив священную магическую трубку, Первый предок ободрял юношей и назначал старого шамана быть руководителем обряда.

Среди прочих обязанностей руководитель обряда следит, чтобы никто из юношей не убежал из помещения, не ел, не пил и не засыпал на протяжении четырёх дней, пока идут приготовления к испытанию. Молитвенными обращениями он также поддерживал связь с Великим Духом, испрашивая успеха всему предприятию. В процессе подготовки участники выполняли ряд ритуалов и развлекали собравшихся снаружи, возле Великого Каноя, напоминая о потопае.

Они возносили молитвы Великому Духу, прося, чтобы не оскудели стада бизонов и не иссякла стойкость у молодых испытуемых. Большое количество энергии тратилось также на вызов Злого духа — О-ки-хи-ди. Попытка примириться с тёмными сторонами жизни характерна для ритуалов перехода и целительских церемоний во многих культурах.

На четвёртый день появлялась фигура в маске, изображающая О-ки-хи-ди — почти обнажённого, выкрашенного преимущественно в чёрный цвет, с небольшими белыми участками. Он врвался в поселение, украшенный огромным деревянным пенисом с чёрным стволом и большой алой головкой; он носился кругом, гоняясь за женщинами и создавая суматоху. Общая паника и хаос нарастали, пока не достигали вдруг некой поворотной точки. Руководитель обряда вставал на пути у Злого духа и лишал того возможности сдвинуться с места силой своей священной трубки. Лишённый магической силы, О-ки-хи-ди тогда подвергался насмешкам и унижениям, особенно со стороны женщин, и изгонялся из поселения.

Затем женщины с победным видом возвращались с огромным пенисом в виде трофея, что служило сигналом для начала испытания внутри большого круглого строения. Там юношей подвешивали над землёй на шнурах, привязанные к продетым сквозь грудные мышцы штырям. К штырям подвешивали также в виде грузов тяжёлые предметы — щиты, луки, колчаны, черепа бизонов, и вращали испытуемых с помощью шестов до потери сознания. После этого их опускали на землю, а когда они приходили в себя, то отрубали тесаком им мизинцы, в виде жертвы Великому Духу.

С грузами, по-прежнему прикрепленными к их телам, юношей выводили на площадку снаружи. Церемонию Окипа завершала Последняя Гонка. Молодые люди бегали кругами, волоча за собой привязанные грузы, стремясь продержаться на ногах дольше сверстников, прежде чем падали и «умирали», как это называлось. Уже потерявших сознание от физического истощения и невыносимой боли их ещё волокли по земле, пока все грузы не отрывались. Их истерзанные тела лежали на земле, пока иницируемые не приходили в себя и нетвёрдыми шагами не направлялись в свои дома. Там родственники встречали их и поздравляли как выдержавших столь великое испытание. Незрелые подростки, которыми были они прежде, умерли и возродились в виде мужчин и смелых воинов.

Что бы ни думали представители западной цивилизации о столь экстремальных переживаниях и поведении, в результате подобных церемоний значительно улучшалось

самочувствие и укреплялось здоровье участников, их сила и независимость, усиливалось чувство связи с природой и мирозданием, принадлежности к племени. Внутренние переживания и события ритуала перехода наделяют неофитов пониманием глубинного смысла и ключевого прозрения в отношении любых процессах преобразования, включая духовные кризисы: можно пройти сквозь хаос порогового состояния и умирания, испытать полное уничтожение и смерть, и выйти из этого испытания исцелённым, обновлённым и сильнее прежнего. Такое понимание значительно уменьшает страх смерти и укрепляет способность радоваться жизни.

При обряде перехода Окипа значительная часть преобразующего испытания выполнялась реалистично и без всяких уклонений, вполне конкретно, но это не единственный путь. Психотехники более щадящего типа, изменяющие сознание в не меньшей степени, но без физических увечий, могут вызвать сходные переживания страданий, смерти и возрождения через активизацию внутренних духовных хранилищ подобных переживаний. Чисто символическое переживание такого рода окажет на личность совершенно идентичное воздействие. У людей, переживающих духовный кризис, подобные переживания часто возникают спонтанно. Даже при беглом сравнении становится ясно, что многие аспекты ритуалов перехода тесно связаны с феноменологией психоделических и холотропных переживаний, возникающих на перинатальном уровне бессознательного. (Перинатальный уровень бессознательного обсуждается в главе 8).

Темы рождения, секса и смерти в ритуалах перехода

Внутренние переживания испытуемых в этих обрядах включают специфическую смесь тем, связанных с рождением, сексом и смертью, причём та же триада характеризует опыт, связанный с повторным переживанием последней стадии своего рождения (см. Главу 8). Кроме того, внешняя символика, используемая в процессе инициации, являет собой тот же странный сплав этих трёх наиболее важных аспектов жизни. К примеру, хижина, отведённая для инициации, может именоваться «вагиной» или «лоном», причём нередко то же слово обозначает и гробницу. В некоторых культурах словом для вынашивания ребёнка называют также похороны и обряд инициации. И наоборот, погребальные камеры часто делают в виде матки, а умерших хоронят в позе плода. У ятмулов, новогвинейского племени, вход в хижину для инициации называется вратами клитора. О беременных женщинах могут говорить как об умерших, а после родов их считают родившимися вновь.

В обрядах перехода часто используют ссылки на биологическое рождение для поддержки переживаний «второго рождения» и ритуальной трансформации. Испытуемых часто полностью обнажают, бреют наголо, голову им обливают кровью жертвенного животного, иногда обмазывают калом. Иногда на несколько дней их заворачивают в шкуры, содранные с животных. Нетрудно распознать во всех этих действиях стремление воспроизвести ситуации пренатального развития, родов и обработки после родов. Эмоциональное и физическое страдание, болезненное отделение и борьба за выживание входят составной частью во многие ритуалы перехода, сильно напоминая сходные переживания новорожденных в реальной жизни и символические при холотропных состояниях. Во время перинатальных сессий переживания психодуховной смерти и возрождения обычно смешаны с переживанием момента своего рождения и имеют выраженный сексуальный компонент. В ритуалах перехода встреча со смертью, являющаяся составной частью появления на свет, может быть разыграна столь реалистично, что несёт с собой

серьёзный риск увечья или даже биологического разрушения для испытываемого.

Сходство между ритуалами перехода и рождением в глубинной переживательной работе усматривается не только в области содержания, но также структурно. Существует явная параллель между стадией отделения по ван Геннепу и началом процесса родов, когда при схватках матка сдавливает артерии, поставляющие плоду кислород и питательные вещества, а шейка матки ещё не раскрылась. Это прекращение плацентарного кровообращения между матерью и ребёнком разрывает значимую связь между ними, по существу, отделяя их друг от друга. Ван Геннеповская стадия перехода далее соответствует переживаниям прохождения через родовые пути при раскрытии шейки. Эта борьба между жизнью и смертью отмечает собой коренное преобразование водного организма (плода) в дышащий воздухом (новорожденного младенца). И наконец, стадия нового включения по ван Геннепу соответствует воссоединению ребёнка с матерью после переживания (воз)рождения.

Социальные применения

Ритуалы перехода являются культурными и духовными событиями, во время которых испытываемые могут пережить и выразить сильные эмоции и физические энергии, связанные с перинатальными и трансперсональными матрицами, таящимися у нас всех в глубине бессознательного. И представляется вполне достоверным предположение, что в силу столь базового характера задействованных психологических сил бесконтрольное проявление этих энергий может оказаться разрушительным для общины. Интересно отметить в этой связи мнение Арнольда ван Геннепа, Виктора Тёрнера, Маргарет Мид, Мирча Элиаде и других выдающихся антропологов, считавших ритуалы перехода обрядами, несущими исключительно важную функцию для гармоничного существования и связности общества изучавшихся ими культур.

Вполне возможно, что отсутствие значимых ритуалов перехода может способствовать развитию разнообразных форм психопатологии, которые мы наблюдаем в современном обществе. Множество деструктивных и антисоциальных импульсов злоредно просачивается в нашу повседневную жизнь и порождает различные проблемы на личном и социальном уровнях, вместо того, чтобы найти выход в безопасном и специально структурированном священными установлениями контексте. Интересно было бы исследовать вопрос, в какой мере удалось бы компенсировать рост сексуальных эксцессов, преступности, злоупотребления алкоголем и наркотиками среди подростков в промышленно развитых странах значимыми ритуалами перехода для этой возрастной группы (Mead 1973; Mahdi, Foster, and Little 1987; Mahdi, Christopher, and Meade, 1996).

(Рис. Стр 42 оригинала. Повелитель зверей. Деталь большого наскального рисунка в пещере Ле-Труа-Фрер, изображающая антропоморфную фигуру, скорее всего палеолитического шамана, в окружении животных.)

3. ДРЕВНИЕ МИСТЕРИИ СМЕРТИ И ВОЗРОЖДЕНИЯ

«Нет ничего выше этих мистерий. Они улучшили наш характер и смягчили обычаи, заставили нас перейти от дикости к истинному гуманизму. Указали не только как радостнее жить, но и как умирать, не теряя надежды».

Марк Туллий Цицерон об Элефсинских мистериях (О законах)

Теперь мы рассмотрим другую важную форму подготовки к умиранию, существовавшую в древности — мистерии смерти и возрождения. Основой этих обрядовых представлений были мифологические истории, где действовали различные божества, которые умирали и воскресали, либо спускались в подземное царство мёртвых и благополучно оттуда возвращались. Понимание динамики этих представлений и их связи с повествованиями о смерти и возрождении богов и героев требует совершенно новой интерпретации природы и функций мифов. Обычно считается, что мифы — продукт человеческой фантазии и воображения. Тем не менее, в работах К.Г.Юнга и Джозефа Кемпбелла было выдвинуто иное понимание мифологии. Согласно представлениям этих двух конструктивно мыслящих исследователей, мифы отнюдь не вымышленные истории о приключениях воображаемых героев в несуществующих странах и, значит, не произвольный плод фантазии своих творцов. Они возникают в коллективном бессознательном человечества и представляются проявлением изначальных принципов, душевной и космической организации, которые Юнг называл архетипами.

Архетипы и имагинальный мир

Архетипы являются вневременными изначальными принципами, на которых базируется материальный мир, которые формируют и насыщают смыслом его ткань. Тенденция интерпретировать мир с точки зрения архетипических принципов впервые возникла в Древней Греции и являлась одной из наиболее поразительных черт древнегреческой философии и культуры. Архетипы можно рассматривать с нескольких различных точек зрения. В гомеровском эпосе они обретают вид мифологических персонажей или богов, таких как Зевс, Посейдон, Гера, Афродита или Арес. В платоновской философии они описываются как чистые метафизические принципы — трансцендентные идеи, формы или божественные первопричины — *архе*, которые существуют сами по себе в некоей области, недоступной человеческим органам чувств. В наше время Карл Юнг реанимировал и переформулировал концепцию архетипов, описав их преимущественно как психологические принципы (Jung 1959).

На протяжении многих веков две философские школы были вовлечены в горячий спор о природе платоновских идей. В то время как реалисты утверждали, что идеи эти онтологически реальны и суперположены материальному миру, номиналисты видели в них не более чем «имена», абстракции объектов, с которыми мы встречаемся в повседневной жизни. Современная психология и исследование сознания получили важные данные, поддерживающие позицию

реалистов. Юнгианцы называют область архетипических образов и пространств «имагинальными», в отличие от плодов человеческого воображения. Хотя в имажинальный мир можно проникнуть при глубинном погружении в собственное сознание, он существует объективно, и люди, испытавшие контакт с ним, могут сопоставить свои впечатления и достичь согласия о том, каковы его черты.

Архетипы — вневременные сущности, космические организующие принципы, способные также проявляться в виде мифических персонажей или божеств различных культур. Они выражают себя через глубинные духовные процессы, но возникают не в сознании человека и не являются его продуктом. Они суперположены душе индивидуума и действуют в качестве её руководящих принципов. Согласно поздним работам К.Юнга, архетипы «психоидны» по природе, они оперируют в сумеречной зоне между сознанием и материей. Они обуславливают не только протекание психических процессов у человека, но также и те, которые происходят в окружающем физическом мире и человеческой истории. «Коллективное бессознательное», как Юнг обозначил их месторасположение, представляет собой общее культурное наследие всего человечества на протяжении веков его существования.

В мифологии основные мифологические персонажи, области и темы в самом общем виде распространены повсеместно. В зависимости от культуры и конкретного исторического периода можно обнаружить вариации базовых мифологических мотивов. К примеру, мощный универсальный архетип Великой Богини-Матери обретает в различных культурах облик местных материнских божеств — Исиды, Девы Марии, Кибелы или Кали. Сходным образом, концепция небес, рая и ада отмечается во многих культурах мира, но конкретные формы этих архетипических областей будут меняться. То же относится и к «вечным темам», таким как злая мачеха, возвращение блудного сына или смерть и возрождение богов и героев.

Герой с тысячью лиц

После долголетнего систематического изучения мифологий различных народов мира Джозеф Кемпбелл опубликовал в 1948 году новаторскую книгу «Тысячеликий герой» — истинный шедевр, оказавший глубокое влияние на большое число мыслителей и исследователей второй половины XX века (Campbell 1968). Проанализировав широкий спектр мифов из различных частей света, Кэмпбелл обнаружил, что все они, казалось, содержат вариации некоей универсальной архетипической формулы, названной им «мономифом». Это было повествование о герое или героине, которые покидали свои родные края и, пережив фантастические приключения, возвращались домой обожествлёнными. Кемпбелл установил, что архетип путешествия героя обычно содержит три стадии, похожие на те, которые были описаны выше применительно к традиционным обрядам перехода: отделение, инициация и возвращение. Герой покидает знакомую территорию или насильно изгоняется внешними силами, преобразуется, переживая ряд чрезвычайных испытаний и приключений, и, наконец, снова включается в жизнь своего общества в новой для себя роли.

Типичный миф героического путешествия начинается в тот момент, когда обычное течение жизни героя внезапно нарушается вторжением сил, магических по природе и принадлежащих к иному порядку реальности. Кемпбелл называет такое приглашение к приключениям «зовом». Если герой или героиня откликаются на него и принимают вызов, они пускаются в приключения, посещая неведомые земли, встречаясь с фантастическими животными и

существами, обладающими сверхчеловеческими возможностями, проходя многочисленные испытания. Кульминацию приключений зачастую составляет переживание смерти и последующего возрождения. После успешного завершения странствий герой возвращается на родину, где живёт долго и счастливо в виде обожествлённого существа — мирского правителя, целителя, провидца или духовного учителя. Говоря словами Кемпбелла, основную формулу странствия можно свести к следующему: «Герой отправляется из обычного мира в чудесные края, там сталкивается с волшебными силами и одерживает решительную победу, а затем возвращается из этого таинственного приключения, обретя силу облагодетельствовать своих соотечественников».

Пытливый и острый ум Кемпбелла не остановился на признании универсальности данного мифа для всех времён и народов. Любопытство подвигло его на поиски причины, делающей этот миф универсальным. Отчего тема странствий героя вызывала и продолжает вызывать отклик у людей самых разных культур, отличающихся друг от друга во всех прочих отношениях? И ответ, который он нашёл, обладает простотой и неумолимой логичностью истинного прозрения — мономиф странствий героя является схемой кризиса преобразования, испытать который способен каждый, когда глубинные проявления бессознательного поднимаются на поверхность сознания. Путешествие героя описывает ту территорию опыта, которую человеку приходится преодолеть, когда это происходит.

Смерть и возрождение богов и героев

Особенно выраженной и чаще всего встречающейся в мифах о странствиях героев темой является встреча со смертью и последующее возрождение. В мифах всех времён и народов рассказываются драматичные истории о богах, богинях, героях и героинях, которые погибали и были возвращены к жизни. Вариацией на ту же тему выступают повествования о мифологических персонажах, снизошедших в мир мёртвых и после череды невообразимых испытаний вернувшихся на землю, одарёнными особыми силами. Центральный мотив христианской религии — смерть и воскресение Иисуса является историей, с которой мы знакомы лучше всего и которая оказала глубокое влияние на человеческую историю. Но сама эта тема присуща отнюдь не одному только христианству, играя важную роль в мифологии множества культур в разные исторические периоды.

К самым древним повествованиям о смерти и возрождении относятся шумерский миф о богине Инанне и её нисхождении в подземный мир, а также египетский миф о смерти, расчленении и воскрешении Осириса. Вклад древнегреческой мифологии в данную тему составляют истории похищения богини Персефоны в подземный мир, расчленения и возрождения Диониса, а также пережитые Аттисом, Адонисом и Орфеем встречи со смертью. К той же категории относятся приключения в подземном мире древнегреческих героев Геркулеса, Тезея и Одиссея. Герои-близнецы индейцев майя Хун-Ахпу и Шбаланкве, ацтекский Пернатый Змей Кецалькоатль — наиболее знаменитые примеры мифологических существ из Месоамерики, испытавших смерть и возрождение. В менее очевидном символическом виде тот же мотив иногда обретает форму поглощения и изрыгания наружу ужасающим чудовищем. Примеры здесь самые разнообразные, от библейского Ионы, который провёл три дня и три ночи во чреве «огромной рыбы», до древнегреческого героя Язона и святой Маргариты, проглоченных драконом и нашедшие способ спастись.

Психоделические исследования и практика переживательной терапии продемонстрировали, что архетип смерти и возрождения тесно связан с биологическим рождением. Это объясняет частоту появления данного мотива в мифологии, равно как и универсальную природу такой темы. Глубинная связь между смертью и рождением в нашем подсознании отражает тот факт, что продвижение по родовым путям может подвергнуть жизнь угрозе. Чередование духовной смерти и возрождения чаще всего наблюдаются как при введении в холотропные состояния с помощью различных средств, так и возникающих спонтанно. Оно играет чрезвычайно важную роль в процессе духовного преображения и раскрытия.

Мистерии смерти и возрождения

Во многих частях света мифы о смерти и возрождении послужили основой священных мистерий, обладающих мощным воздействием обрядовых представлений, во время которых неофиты испытывали смерть, возрождение и глубокое духовно-психическое преображение. О том, каким образом они вводились в холотропное состояние во время этих мистерий, известно очень немного; способ либо хранился в строгой тайне, либо информация о нём утратилась со временем. Но весьма вероятно, что он походил на те, которые применяются шаманами и при обрядах перехода: ритмические барабанные удары и движения, пение, смена ритма дыхания, физический стресс и боль, кажущиеся или действительные смертельно-опасные ситуации. Среди наиболее действенных средств, используемых для этой цели, несомненно, были изменяющие сознание напитки, которые содержат вещества растительного происхождения с психотропными свойствами.

Чрезвычайно сильные и зачастую пугающие переживания, возникающие у посвящаемых, рассматривались в качестве возможности вступить в контакт с божествами и божественными пределами. К ним относились как к необходимому, желанному и, в конечном счете, целительному. Существуют также свидетельства, что добровольное вхождение в подобные крайние состояния сознания рассматривалось как защита от истинной потери рассудка. Это может проиллюстрировать древнегреческий миф о Дионисе, который пригласил жителей Фив присоединиться к нему в ритуале, называемом им Малой пляской. Данным термином обозначался восторг вакханалий — оргиастических обрядов, включавших в себя принятие опьяняющих напитков, дикие танцы и высвобождение сильных эмоций и инстинктивных позывов. Дионис пообещал фиванцам, что Малая пляска перенесёт их в такие пределы, где они никогда прежде не бывали. Когда же они отвергли его приглашение, Дионис разгневался и наслал на них Большую пляску. В приступе опасного безумия они приняли собственного повелителя за дикого зверя и убили его. В своём безумстве мать повелителя насадила его отрубленную голову на копьё и так отнесла в город.

Этот известный миф указывает, что древние греки сознавали необходимость давать в соответствующей обстановке выход опасным мощным силам, таящимся в человеческой психике. Те сильные переживания, которые посвящаемые испытывали во время мистерий, в особенности духовно-психическую смерть и возрождение, вне всякого сомнения имели замечательный целительный и преображающий потенциал. За свидетельством мы можем обратиться к двум столпам древнегреческой философии — Платону и Аристотелю. Особое значение имеет тот факт, что данное свидетельство исходит из Греции, колыбели европейской цивилизации. Западный человек зачастую пренебрегает доказательствами, связанными с шаманизмом или

обрядами перехода, считая их исходящими от «примитивных» и экзотических культур и потому чуждыми его собственной традиции.

В диалоге «Федр» Платон обсуждает четыре типа безумия, вызываемого божественными влияниями: эротическое, когда человеком овладевают Афродита и Эрос, пророческое под влиянием Аполлона, художественное безумие, вдохновляемое одной из Муз, и ритуальное или безумие мистических таинств, вызываемое Дионисом. Великий философ даёт живое описание терапевтического потенциала мистического безумия, приводя в качестве примера менее известные оргиастические древнегреческие мистерии, посвящённые Кибеле. Согласно его свидетельству, дикие пляски под звуки флейт и барабанов, достигающие своей кульминации во взрыве, высвобождении эмоций, приводили к состоянию глубокого расслабления и покоя.

Знаменитый ученик Платона Аристотель первым отчётливо заявил, что несдерживаемое переживание и высвобождение подавленных эмоций, названное им катарсисом (очищением), даёт эффективный способ лечения умственных расстройств. Он также высказал убеждение, что мистерии смерти и возрождения создавали действенный контекст для этого процесса. Согласно его свидетельству, с помощью вина, афродизиаков и музыки посвящаемые испытывали чрезвычайный прилив страстей, за которым следовал исцеляющий катарсис. В соответствии с основным принципом культа орфиков, одной из наиболее важных мистических школ того времени, Аристотель был убеждён, что хаос и неистовство мистерий способствовали установлению более прочного порядка.

Среди наиболее древних мистерий смерти и возрождения — вавилонские и ассирийские обряды связанные с Иштар и Таммузом. Миф, лежащий в основе ритуального действия, — это история Богини-Матери Иштар и ее нисхождение в подземный мир, где правила её сестра, ужасная богиня Эрешкигаль. Иштар спустилась в царство мёртвых в поисках священного эликсира, который единственный мог бы вернуть к жизни ее мертвого сына и мужа, бога растительности Таммуза. Она сама была заключена в дом мрака богиней, царицей подземного мира, и подверглась различным заболеваниям. В храмах Исиды и Осириса в Древнем Египте кандидат в посвященные под руководством иерофантов проходил через ряд тяжелых испытаний с целью преодолеть страх смерти и обрести доступ к эзотерическому знанию о природе, Вселенной и человеке. Мифологической основой для ритуала трансформации служила история убийства и расчленения Осириса злым братом Сетом и последующего возвращения к жизни с помощью его сестер Нефтис и Исиды. Осирис затем стал правителем подземного мира. В этом контексте тема смерти и возрождения связывалась с циклом чередования дня и ночи и архетипическим странствием солнечного бога по небу и через подземный мир.

Древняя Греция, Малая Азия и прилегающие страны изобиловали мистериальными религиями и священными обрядами. Элевсинские мистерии основывались на эзотерическом толковании мифа о Деметре и ее дочери Персефоне. Похищенная богом подземного мира Гадесом, Персефона была отпущена им после вмешательства Зевса. Но на том условии, что будет возвращаться к Гадесу на треть каждого года. Этот миф, обычно рассматриваемый, как аллегория сезонных циклов произрастания растений, стал для посвященных в Элевсинские мистерии символом духовных борений души, периодически замыкаемой материей и высвобождаемой.

Орфический культ основывался на легенде об обожествленном фракийском певце Орфее, несравненном музыканте и певце, предпринявшем неудачную попытку освободить свою возлюбленную Эвридику из плена смерти. Он сам трагически погиб, будучи разорван в клочья киконскими женщинами за вмешательство в вакханалию. Согласно легенде, его оторванная голова, брошенная в Гебр, продолжала петь и предсказывать будущее. Дионисийские обряды,

называемые также вакханалиями, основывались на истории молодого Диониса, расчлененного Титанами, а затем воскрешенного Афиной Палладой, которая успела спасти его сердце. В дионисийских обрядах участники стремились к отождествлению с убитым и воскресающим богом, достигая этого с помощью употребления пьянящих напитков, оргиастических танцев, бега по холмам и весям, пожирания сырого мяса животных.

Самофракийские мистерии корибантов были тесно связаны с дионисийскими празднествами. Ритуальная драма представляла убийство Кадмилла тремя его братьями. Ещё одной важной мистериальной религией древности был культ Митры — родственник христианству и довольно серьёзно заявлявший себя как мировую религию. Он начал распространяться в Римской империи в первом веке н. э., достиг наибольшего распространения в третьем веке и уступил место христианству в конце четвёртого. Во время расцвета его подземные святилища Митры (*mithraea*) устраивались повсюду, от берегов Чёрного моря до гор Шотландии и границ пустыни Сахара (Ulansey 1989).

Другим знаменитым мифом об умирающем боге была история Адониса. Носившая его Смирна была обращена богами в дерево мирру. Дикий вепрь помог ему родиться из миррового дерева, после чего очарованная его красотой Афродита передала Адониса на воспитание Персефоне, богине подземного мира. Когда же Персефона отказалась возвращать его, по решению Зевса он должен был проводить треть года с Персефой, треть с Афродитой, а оставшуюся треть по своему усмотрению. Мистерии, основанные на этом мифе, ежегодно справлялись во многих частях Египта, Финикии и Вавилона. Тесно связанные с ними Фригийские мистерии справлялись во имя бога Атиса, оскотившего себя под сосной, умершего и воскрешенного великой матерью Кибелой. Его самооскопление и смерть были вызваны безумием, насланным на него Агдистис, матерью юноши, которая из ревности не желала, чтобы он вступал в брак.

В нордической традиции убиваемым и воскресающим богом был любимый сын Одина (Вотана) — Бальдр. Согласно мифу, он был молод и прекрасен, а также являлся единственным миролюбивым божеством Валгаллы. Обманщик Локи, персонифицированное зло, подсунил слепому богу судьбы Хеду стрелу из омелы, единственное оружие, могущее причинить вред Бальдру, которой тот и был сражен. После многих усилий убитые горем боги нашли способ воскресить своего любимца. В процессе мистерий Одина неопит выпивал освященный мед из кубка, сделанного из человеческого черепа. Подобно Бальдру, посвящаемый проходил через тяжелые сакральные испытания в девяти подземных палатах, что позволяло ему открыть тайну Одина, наиболее хранимую из тайн природы и человеческой души. В друидических мистериях Британии, граница между символической и физиологической смертью была весьма зыбкой. После помещения испытуемого заживо в гроб, последний укладывали в открытую лодку и сталкивали в море, изображая таким образом смерть бога Солнца. В этом необычном и тяжелом испытании гибли многие посвящаемые. К тем же, кто переживал этот суровый ритуал, относились как к заново рожденным.

Какие в точности изменяющие сознание методики использовались в этих тайных обрядах достоверно неизвестно, хотя скорее всего священный напиток кикеон, игравший существенную роль в Элевсинских мистериях, содержал алкалоиды спорыньи, сходные по воздействию с ЛСД. Также весьма вероятно, что психоделические вещества использовались при вакханалиях и в других обрядах. Древние греки не знали перегонного куба и не делали спирта, однако вина, применяемые при дионисийских обрядах, нужно было разбавлять водой в три, а то и двадцать раз, всего три кубка приводили на грань «истинного безумия» (Wasson, Hofmann, and Ruck 1978). Единственным объяснением столь мощного воздействия опьяняющих напитков на душевное состояние может быть добавление психоделических веществ.

Степень важности этих мистерий для культуры древнего мира и их до сих пор недостаточно признанное значение для развития европейской цивилизации становятся очевидными, если мы осознаем, что среди прошедших посвящение было множество знаменитых людей древности. В список неофитов входят философы Платон, Аристотель и Эпиктет, военный предводитель Алквиад, драматурги Еврипид и Софокл, поэт Пиндар. Другой знаменитый посвящённый — император Марк Аврелий, был заморожен эсхатологическими надеждами, которые предлагали эти обряды. Римский государственный деятель и философ Марк Туллий Цицерон принял участие в мистериях и изложил восторженную оценку их воздействия, а также влияния на цивилизацию древнего мира в книге «Оз аконах» (Cicero 1977).

Элевсинские мистерии

Самые главные мистерии Древнего мира праздновались почти две тысячи лет (ок. 1500 до н. э. — 400 н. э.) в честь богини Деметры и её дочери Персефоны в Элевсине, древнегреческого городе, расположенном примерно в тридцати километрах к западу от Афин. Они лучше всего демонстрируют важность подобных установлений, кроме того, сохранилось достаточно большое число свидетельств, рассказывающих о них. События, приведшие к основанию святилища в Элевсине изложены в эпической поэме, которая была создана примерно в VII веке до н. э. и известна как «Гомеров гимн Деметре»:

Однажды, когда Персефона, дочь Зевса и Деметры, собирала цветы ив прекрасных лугах, её похитил Гадес, бог подземного мира. Мать безуспешно искала её, узнав от Гелиоса о похищении. Сокрушённая Деметра отделилась от остальных олимпийцев, так как узнала, что похититель вошёл в сговор с Зевсом. После долгих и безуспешных поисков Персефоны Деметра пришла в Элевсин, одетая как простая женщина, и нашла приют во дворце Элевсинского правителя Келеоса и его жены Метанейры. Они наняли её нянчить своего сына Демофона, и она решила сделать его бессмертным, опустив в огонь. Когда это обнаружилось, Деметра открыла своё божественное происхождение и в благодарность за приют основала в Элевсине храм.

Желая наказать олимпийских богов за похищение её дочери, Деметра наслала гибель на все растения на Земле, угрожая человечеству гибелью. Боги, опасаясь, что тогда люди перестанут им молиться и приносить жертвы, стали просить Деметру вернуть земле плодородие. Но она не соглашалась, пока Зевс не приказал своему брату Гадесу вернуть Персефону из подземного мира матери. Мать с дочерью вернулись на Олимп, но с тех пор Персефона должна была проводить треть года под землёй со своим мужем. И тогда наступала зима. Но каждый года, стоит Персефоне вернуться наверх по весне, растительный мир пробуждается к новой жизни, расцветает и плодоносит.

Перед тем, как вернуться к остальным богам на Олимп, Деметра поведала царям Элевсина, Келеосу и Триптолему, как следует соблюдать обряды в её храме. Это были тайные заповеди, мистерии следовало охранять от непосвященных. Разглашение и осквернение тайны должно было караться смертью. В ознаменование благополучного разрешения драмы в Элевсине, Деметра подарила Триптолему, первому посвящённому, проросток пшеницы и велела его научить людей земледелию — искусству, которое им было до той поры неизвестно.

Хотя вначале культ Деметры и Персефоны имел местное значение, вскоре он обрёл важность для граждан Афин, а постепенно и для всего эллинского мира. Ко второй половине V

века, в классический период греческой культуры, участие в Элевсинских обрядах, прежде доступное только афинянам, было открыто для всех греков. В эллинистический период и императорские времена мистерии обрели ещё больший престиж и к ним стали допускаться граждане всей Римской империи. Впечатляющим свидетельством значимости опыта, обретавшегося во время Элевсинских мистерий, был тот факт, что они проводились каждые пять лет без перерыва почти две тысячи лет. И прекращены они были совсем не оттого, что вдруг перестали привлекать к себе внимание античного мира. Все ритуальные действия в Элевсине были грубо прерваны по указу христианского императора Феодосия, который запретил участие в мистериях и отправление прочих языческих культов. Вскоре после этого, в 395 году н. э. вторгшиеся в Грецию готы разрушили святилище.

Приходится только догадываться, что предлагали посвящаемым в Элевсине. Это должно было быть нечто совершенно необыкновенное, чтобы многие века люди тысячами, включая известных в античности деятелей, по своей воле пускались в дальнее странствие, чтобы принять участие в мистериях. Часто высказывалось предположение, что там происходило некое театральное действо. Однако главный зал Элевсинского святилища (telestrion) по своей архитектуре совершенно не подходил для такой цели. Тем, кому удалось посетить такие места в Греции, как Эпидавр, знают, что греки умели строить потрясающие амфитеатры с замечательной акустикой. Ряды толстых колонн в телестрионе Элевсина, большое помещение в его центре (anakton), и число участников (возможно, более трёх тысяч), лишили бы возможности увидеть представление многих посвящаемых. Многочисленные сохранившиеся списки расходов не содержат никаких трат на актёров или декорации. Кроме того, греки были очень сведущи в отношении театра, их вряд ли можно было легко обмануть, особенно таких знатоков, как Пиндар и Софокл, которые оба оставили свидетельства о силе воздействия мистерий и их чрезвычайной ценности.

Рассказы о переживаниях, испытанных посвящаемыми, содержат частые упоминания поразительных видений сверхъестественной яркости. Они зачастую описываются в виде противопоставления света и тьмы, страха и блаженства. Так Элий Аристид, живший в Римской империи писатель и оратор, писал, что Элевсинские мистерии были «самыми потрясающими и источающими свет из всех священных вещей, что доступны людям». Среди наиболее впечатляющих видений были встречи с божествами, в особенности с богиней Персефоной. Император Марк Аврелий, прошедший посвящение, почитал мистерии «среди тех даров, которыми боги проявляют своё попечение о роде человеческом». Другой интересный аспект переживаний в Элевсине связан со ссылками на роды. Например, Ипполит (170–236 гг. н. э.) повествует: «Из-под огромного костра иерофант возглашает: Госпожа родила священное дитя, у Бримос родилась Бримо». Все перечисленные черты в равной мере свойственны психоделическим переживаниям и другим типам холотропных состояний.

Важным ключом к этой тайне является тот факт, что перед кульминацией посвящения иерофанты давали посвящаемым выпить священного напитка, называвшегося кикеон. Значит, вполне возможно, что кикеон обладал сильнейшими психотропными свойствами. Только применение психоделического напитка может объяснить, каким образом стабильно удавалось вызывать столь мощные переживания у тысяч людей одновременно. Данное предположение подтверждает другой известный из истории факт: ещё в классический период (около 415 года до н. э.) обнаружилось, что многие афинские аристократы проводили частным образом мистерии у себя дома. За такое осквернение таинств они понесли суровое наказание — лишение всех прав и имущества, тяжёлые штрафы и смерть. Вряд ли было возможно повторить в домашних условиях сложные театральные специальные эффекты, но доставить сосуд с кикеоном из Элевсина в Афины было вполне возможно.

После многолетних исследований изобретатель ЛСД Альберт Хофманн, миколог Гордон Уоссон, история открытия которым магических мексиканских грибов будет описана в данной книге несколько позже, и греческий учёный Карл А.П. Рюк опубликовали труд под названием «Дорога в Элевсин» (Wasson, Hofmann, Ruck 1978). Согласно их заключению, в состав кикеона входил психоделический компонент, получавшийся из спорыньи, чьё воздействие похоже на ЛСД и месоамериканскому священному растению ололюквы. Чтобы придать кикеону свойства, позволяющие вводить людей в изменённое состояние сознания, жрецам в Элевсине требовалось только собрать спорынью, часто встречающуюся недалеко от храма, растолочь её и добавить в напиток. Вполне возможно, что спорынью могли преподносить богине зерна, Деметре в качестве священного дара. В процессе исполнения обряда жрецы раздавали посвящаемым колоски. Они символизировали собой ячменное зерно, которое, будучи посаженным в землю, умирает, но даёт жизнь новому растению. Здесь мы видим символ ежегодного возвращения Персефоны из тьмы подземного мира к свету Олимпа, а также символ постоянства жизни в вечном круговороте смерти и возрождения.

Пиндар, величайший лирический поэт Древней Греции и посвящённый, писал о том воздействии, которое Элевсинские мистерии оказывали на участников:

«Хорошо снаряжен [в смерти] тот,
кто сходит во гроб, зная истину Элевсина.
Ему ведом исход земной жизни
И новое ее начало — дар богов».

Драматические мифологические события, изображающие смерть и возрождение, другие мистические переживания весьма часто встречаются в психотерапии переживания, а также при спонтанных духовно-психических кризисах («духовных чрезвычайных ситуациях»). При холотропном состоянии подобный мифологический материал спонтанно поднимается из душевных глубин, без всякой подготовки, зачастую удивляя всех участников. Архетипические образы и целые сцены из мифологии различных культур часто встречается в переживаниях людей, не имевших до того никакого представления о мифических персонажах и темах, с которыми столкнулись Персефона, Дионис, Осирис, Один, так же как и Иисус Христос, похоже, хранятся в душе современного западного человека и оживают в холотропных состояниях.

4. СМЕРТЬ И ВОЗРОЖДЕНИЕ В ВЕЛИКИХ МИРОВЫХ РЕЛИГИЯХ

Человек, который умирает до того, как умирает, не умирает, когда умирает.

— Абрахам а Санкта-Клара, немецкий монах-августинец XVII века

Использование методик посвящения не ограничивается шаманизмом, ритуалами перехода туземных культур и древними мистериями. Несколько великих мировых религий разработали более или менее сложные духовно-психологические ритуалы, предназначенные для погружения в холотропное состояние. Используются в различных сочетаниях голодание, медитация сидя или в движении, визуализация, молитвы, ритмичное пение, танцевальные движения и дыхательные упражнения. При подходящих условиях такие приёмы способны вызвать поразительные проявления опыта из глубин человеческой психики, включая переживания смерти, духовно-психической смерти и возрождения. Поэтому они могут послужить действенной подготовкой к смерти и умиранию.

Восточные духовные философии и практики

Многие из этих методов были разработаны в рамках духовных учений Востока. Различные школы йоги, возникшие в недрах индуизма, предлагают широкий спектр отшлифованных поколениями методов медитации, которые в различных комбинациях включают голодание, физические позы (асаны), жесты (мудры) и умственное сосредоточение. Важной частью йогической традиции является дыхательная гимнастика и использование звуковых колебаний в виде священных песнопений (киртан и бхаджан), повторения благоприятных счастливых слогов, слов и фраз (мантр). В Индии понимание того, каким образом дыхание способно изменить сознание и как применять эту особенность в духовной практике, сложилось в особую науку — пранаяму. В индуизме есть также концепция «двиджа», то есть буквально «дважды рождённый человек», что, весьма вероятно, является проявлением опыта духовно-психической смерти и возрождения. Двиджа — человек, осознавший, что он является не телесным созданием из мяса и костей, а чистым сознанием. Буддизм добавил в сокровищницу методик священной медитации много нового — провидческую медитацию випассана теравады, эзотерическую ваджрайаны, зазен^[1] и работу с коанами в сото-дзен и ринзай-дзен Rinzai Zen, медитацию огненного дыхания и многие другие.

Наиболее интересной и изощрённой методикой посвящённых является тантризм — система, охватывающая взгляды нескольких эзотерических ветвей индуизма, буддизма и джайнизма. Тантра — сбалансированный комплекс духовно-психических практик, включающих сложные геометрические схемы (янтры), мандалы, мудры, мантры, асаны и дыхательную гимнастику. Кульминацией практики ванмарги (левозакрученной Тантры) является ритуал панчамакара, который включает священное соитие (майтуну), происходящее в йогических асанах. При подготовке к этому соитию чувствительность максимально повышается возжиганием благовоний, ароматами цветов, музыкой, священными песнопениями и нежными

ласками, чтобы помочь партнёрам ощутить своё слияние с архетипическими существами — богами Шивой и Шакти. Применение аюрведических растительных смесей, объединяющих сильные афродизиаки и психоделические ингредиенты, придаёт панчамакаре несравненную силу.

Удивительным аспектом тантрической священной техники является то, что она основана на духовном видении всего бытия и всеобъемлющем научном представлении о мире, которое для того времени, когда тантризм сложился как учение, был удивительно развито. Понимание тантрическими учёными устройства Вселенной во многом подтверждается современной наукой. Сложные модели пространства и времени, концепция Большого Взрыва, гелиоцентрическое устройство Солнечной системы, притяжение планет, шарообразная форма Земли и других планет, понятие энтропии — все эти аспекты включались в представления тантристов о мире. Кроме того, следует упомянуть о значительном развитии у них математики с десятичным счислением и понятием нуля, в высшей степени отточенного абстрактного и репрезентативного духовного искусства (Mookerjee and Khanna 1977). Практикующие тантристы и учёные составили подробные, основанные на опыте карты тонкого тела, с множеством каналов (нади) и центров (чакр).

Практики в иудаизме, христианстве и исламе

Действенные методы вызывания холотропного состояния сознания применялись также в трёх великих мировых религиях Ближнего востока — иудаизме, христианстве и исламе. Подходы, облегчающие получение непосредственного духовного опыта, характерны для мистических сект и монашеских орденов. Средневековые каббалисты разработали ряд различных методик для достижения экстатических состояний. Самым известным и влиятельным из каббалистов был Авраам Абулафия, которому принадлежит разработка различных способов достижения единения с Богом. Он совершенно определённо указывал, что ставит себе целью передать опыт, сходный или даже идентичный тому, который испытывали древние иудейские пророки. Можно также упомянуть здесь дополнительные примеры из иудейской мистической истории: практику хасидских ашкенази, хасидские танцы а также девекут — единение с Богом. Ессеи из свитков Мёртвого моря, члены раннехристианской эсхатологической секты, использовали для вызова мистических переживаний весьма эффективную технику дыхания и метод крещения, во время которого неопитов держали под водой почти до потери сознания.

И в истории христианства обнаруживаются священные методы. Переживания пустынников, раннехристианских отшельников, практиковавших аскетизм в египетской пустыне, стимулировались голоданием, обезвоживанием организма, крайним перегревом и монотонностью пейзажа пустыни, что в совокупности вызывало сенсорную депривацию. Исихасты были христианским монашеским орденом, члены которого верили, что с помощью сложной системы, включающей аскетизм, устранение от мирских забот, повиновением избранному наставнику и непрерывными молитвами возможно узреть мистический свет, который они считали нерукотворным сиянием Господним. Такое видение можно было узреть скорее, если прибегнуть к особой технике — долго находиться в неподвижности, прижав подбородок к груди и устремивши взгляд внутрь себя. Проводились исследования, сопоставлявшие практику исихастов и индийских йогов, особенно с Кундалини-йогой (Father Matus 19). К христианским способам вызова мистических переживаний относились также

упражнения святого Игнатия Лойолы, основателя ордена иезуитов, чей метод молитвы включал зрительную имагинацию как путь стать ближе к Богу.

Исследователь религий Дэн Меркер, на основании своих работ пришел к выводу, что ранние иудеи и христиане использовали психоделические материалы в качестве части своих религиозных ритуалов. В своей книге «Тайна манны: психоделическое таинство Библии» (Merkur, 2000) он приводит пример манны — чудесного хлеба, который ели израильтяне пред тем, как узреть в облаке сияние Яхве. Меркер полагает, что этот инцидент, в действительности, был посвящением в культовое психоделическое таинство, вызывавшее духовные видения с помощью хлеба, содержащего спорынью — психоактивный грибок, действующие вещества которого родственны ЛСД.^[2] Более того, это только один пример из непрерывной традиции западных психоделических таинств, шедшей от Моисея и манны до Иисуса и причастия. Согласно Меркеру, когда эта практика стала неприемлемой для религиозной ортодоксии, ее тайно продолжали гностики, масоны, и каббалисты. Джон Аллегро, член международной группы, созданной для расшифровки рукописей Мертвого моря, в своих предположениях пошел еще дальше. В книге «Священный гриб и христианство», вызывавшей много споров, Аллегро утверждал, что иудаизм и христианство произошли от культов плодородия Ближнего Востока, которые использовали в своих ритуалах психоделические грибы (Allegro 1970).

Опыт духовно-психического возрождения или второго рождения играл важную роль в христианстве с самых ранних его дней вплоть до современности. В очень интересном отрывке из третьей главы Евангелия от Иоанна Иисус говорит о важности нового рождения: «Если кто не родится заново, не может увидеть Царство Божие» (Иоанн. 3:3). Никодим, принимающий слова Иисуса буквально, не может понять, как он, взрослый мужчина, сможет пройти через чрево своей матери и родиться снова. Но совершенно явно имея в виду духовно-психическое возрождение, Иисус поясняет, что говорит не о рождении от плоти, а «свыше, от воды и от Духа».

Средневековые христианские монахи пользовались медитацией с определённой направляющей образностью для переживания смерти и возрождения. Одно из упражнений заключалось в представлении собственной смерти и разложения своего тела. Другое — идентификация со страстями, претерпленными Иисусом, его смертью на кресте и воскресением (imitatio Christi).

Суфии, исламские мистики применяли в своих священных ритуалах или зикрах^[3] духовную музыку, усиленное дыхание и песнопения; а секты танцующих дервишей известны своим вводящим в транс экзальтированным танцем.

Подобно мистикам других великих религий, суфии конфликтовали с религиозными властями, и подвергались серьезным преследованиям во многих мусульманских странах. Знаменитый суфийский мистик и поэт Мансур аль-Халладж, получивший известность как «мученик мистической любви» был действительно арестован и сожжен заживо за изложение прозрений, которые он обрел в экстатических трансах: «Ана'ль Хакк — Я есмь Бог, Абсолютная Истина, Подлинная Реальность». Мусульманский богослов и философ, основатель школы «иллюминизма» в философии Аль-Сураварди был обвинен в ереси и приговорен к смерти своими соперниками в мусульманском духовенстве, за что заслужил имя «аль-Мактул» («Убитый»). Даже Ибн аль-Араби — «Величайший Учитель», автор Откровений Мекки, который, вероятно, был самой влиятельной фигурой в истории суфизма, пережил гонения и заключение в тюрьму.

В организованных религиях, мистики сталкивались с многими трудными испытаниями, хотя их непосредственный опыт божественных измерений реальности в холотропных состояниях сознания вдохновлял все великие религиозные движения. Более того, подобный опыт необходим

для сохранения жизненности и значимости религиозных убеждений.

5. ПОСМЕРТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ДУШИ

*Дай крылья! Ввысь! Мне неба мало!
О смерть! Где ныне твое жало?
Твоя победа, ад?..*

— Александр Поуп, «Умиравший христианин — своей душе»
(пер. А.Серебренников)

В доиндустриальных обществах существовали группы людей, которые верили, что смерть не означает полное окончание человеческого существования, и что жизнь и сознание тем или иным образом продолжают существовать и после прекращения процессов жизнедеятельности в теле. Поэтому они обеспечивали своих членов детальными картами потустороннего мира и руководствами для посмертного путешествия души. Конкретные описания загробной жизни в культурах и этнических группах, разделенных исторически и географически, могут различаться, но общие представления весьма сходны. Иногда картина загробного мира бывает очень конкретной и реальной, похожей на земное существование. Но чаще, области потустороннего мира обладают особыми характеристиками, отличающими их от всего, известного на земле. Независимо от того, похоже ли место пребывания души на привычное земное окружение, путешествие души в загробный мир часто рассматривается как сложный процесс переходов и преобразований, проходящий через много разных уровней и сфер.

Области Запредельного и архетипический мир

Три области запредельного — Небеса, Рай, и Ад — необычайно часто встречаются в эсхатологической мифологии, и почти повсеместно присутствуют в различных религиях, культурах, географических регионах, и исторических периодах. Менее широко распространено представление о промежуточном состоянии или месте, вроде Чистилища. Небеса обычно считаются находящимися «наверху», и связаны с человеческим опытом неба, включая солнце, луну, и звезды. Это область блаженства, радости, и света, населенная высшими духовными существами и развоплощенными праведниками. Рай — это еще одна область загробного мира, предназначенная для блаженных, место необычайного счастья, радости, покоя, и удовольствия. Как показывает его название (на староперсидском языке “*pairīdāeza*” означает закрытый сад), Рай обычно представляют как прекрасный сад или парк, с экзотическими деревьями, дающими сладкие душистые плоды, рекой жизни и великолепными птицами и животными. Иногда Рай располагается в какой-то иной форме необычной природной обстановки, вроде острова или полярного сияния. По контрасту с этим, Ад обычно считается находящимся «внизу», под землей, в системе подземных полостей. Это «преисподняя», подземная область тьмы и мрака, ассоциирующаяся с ужасом, отчаянием, и физическими страданиями. Ад населяют злобные демонические создания, находящие удовольствие в том, чтобы подвергать своих жертв невообразимым мучениям.

Ошибочная вера в то, что эти потусторонние области находятся в физической вселенной — Небеса в межзвездном пространстве, Рай в каком-то тайном месте на поверхности нашей

планеты, а Ад внутри земли — вела к странному и совершенно не обязательному конфликту между наукой и религией. Астрономы использовали чрезвычайно сложные приборы, вроде телескопа Хаббла, чтобы исследовать и аккуратно наносить на карту весь «свод Небес». Результаты этих усилий, которые, разумеется, не смогли обнаружить никаких Небес с Богом и ангелами, считаются убедительным доказательством того, что подобные духовные реальности не существуют. Точно так же, описывая и нанося на карту каждый акр земной поверхности, географы нашли много необычайно красивых природных областей, но ни одна из них не соответствует описаниям Рая, содержащимся в духовных текстах. Геологи обнаружили, что ядро нашей планеты состоит из слоев твердого и расплавленного никеля и железа, и его температура превышает температуру поверхности Солнца. Это земное ядро заключено в оболочку из пластов плотных и, по большей части, твердых силикатных горных пород — не слишком правдоподобное место для пещер Сатаны.

Этот кажущийся конфликт между религией и наукой абсурден, и отражает фундаментальное неправильное понимание с обеих сторон. Как показал Кен Уилбер, настоящий конфликт между подлинной наукой и подлинной религией невозможен. Любой такой «конфликт», скорее всего, отражает проблему «фиктивной науки» и «фиктивной религии», где каждая сторона совершенно неправильно понимает позицию другой, и, несомненно, представляет ложный вариант своей собственной дисциплины (Уилбер, 1982). Современные исследования холотропных состояний показали, что Небеса, Рай, и Ад обладают онтологической реальностью; они соответствуют особым и важным состояниям сознания, которые при определенных обстоятельствах могут переживать в своей жизни все люди. Танатология накопила много убедительных свидетельств того, что такие переживания, в особенности, случаются в связи со смертью и умиранием.

В своем новаторском эссе «Рай и Ад», Олдос Хаксли высказал предположение, что такие понятия, как Ад и Рай, соответствуют субъективным реальностям, весьма конкретно и убедительно переживаемым в необычных состояниях сознания, которые вызываются психоделическими веществами или различными мощными ненаркотическими техниками (Huxley, 1959). Небесные, райские, и адские видения представляют собой важные составные части спектра опыта психоделических внутренних путешествий, околосмертных состояний, мистических переживаний, а также шаманских инициаций и других видов «духовных кризисов». Психиатры нередко наблюдают такие переживания у своих пациентов, но из-за своей неадекватной модели психики, они неправильно интерпретируют их как проявления психической болезни, вызванной патологическим процессом неизвестной этиологии, не отдавая себе отчет в том, что матрицы этих переживаний существуют в глубинах бессознательного каждого человека.

Поразительный аспект холотропных переживаний разного происхождения, включающих в себя эсхатологические темы и мотивы, состоит в том, что их содержание можно извлечь из мифологий любых культур мира, включая те, о которых переживающий не имеет интеллектуального знания. К.Г. Юнг продемонстрировал этот удивительный факт для мифологических переживаний любого сорта, происходивших в сновидениях и психотическом опыте его пациентов. Основываясь на этих наблюдениях, Юнг понял, что человеческая психика, помимо индивидуального бессознательного, описанного Фрейдом, содержит коллективное бессознательное — хранилище всего культурного наследия человечества. Таким образом, знание сравнительной мифологии — это не только вопрос личного или научного интереса; это очень важный и полезный инструмент для людей, занимающихся эмпирической терапией и самоисследованием, и обязательное условие для тех, кто сопровождает и поддерживает их в таком путешествии.

Примеры из практики: важность коллективного бессознательного для психотерапии

Важность коллективного бессознательного для психотерапевтической работы иллюстрируют некоторые удивительные эпизоды из моей собственной клинической практики. Первый из них связан с Отто — одним из моих клиентов того периода, когда я возглавлял исследовательскую программу психоделической терапии в Пражском институте психиатрических исследований.

Отто участвовал в программе потому, что страдал депрессией и острым патологическим страхом смерти (танатофобией). В одном из своих психоделических эпизодов, он пережил мощную последовательность психодуховной смерти и возрождения. В кульминационный момент опыта, у него было видение зловещего входа в загробный мир, охраняемого ужасающими богинями в образе свиней. В этот момент он внезапно почувствовал настоятельную потребность нарисовать определенный геометрический узор. Обычно я просил своих клиентов оставаться во время сеансов в полулежачем положении с закрытыми глазами, чтобы не отвлекаться от внутреннего опыта, однако Отто открыл глаза, сел, и попросил меня принести ему немного бумаги и принадлежности для рисования.

Он с великой настойчивостью и необычайной быстротой нарисовал целую серию сложных абстрактных узоров. Демонстрируя глубокую неудовлетворенность и отчаяние, он не переставал импульсивно сминать и рвать эти замысловатые рисунки, как только их заканчивал. Он был очень разочарован своими рисунками, и все больше расстраивался, так как был неспособен «понять это правильно». Когда я спросил его, что он пытается сделать, он не смог ничего объяснить. По его словам, он просто испытывал непреодолимое влечение рисовать эти геометрические узоры, и был убежден, что рисование правильного узора почему-то составляет необходимое условие успешного завершения его сеанса.

Тема явно имела для Отто сильный эмоциональный заряд, и понять ее представлялось важным. В то время я все еще находился под сильным влиянием своей подготовке в русле психоанализа Фрейда, и изо всех сил старался выяснить бессознательные мотивы этого странного поведения с помощью метода свободных ассоциаций. Мы потратили на это массу времени, но без какого-либо реального успеха. Вся последовательность просто не имела никакого смысла. В конце концов, процесс переместился на другие области, и я перестал думать об этой ситуации. Весь эпизод оставался для меня полной загадкой вплоть до того времени, когда я много лет спустя переехал в Соединенные Штаты.

Вскоре после моего приезда в Балтимор, меня пригласили выступить в Нью-Йорке на конференции Общества искусства, религии, и науки под названием «Гротеск в искусстве». В своем докладе я рассматривал проблему гротеска, основываясь на своих наблюдениях из психоделических исследований, и показывал слайды рисунков моих клиентов. Среди участников конференции был и Джозеф Кемпбелл — знаменитый ученый, которого многие считают величайшим мифологом XX в., а возможно, и всех времен. Он был восхищен моими описаниями опыта пациентов, повторно переживавших свое рождение, и рисунками, которые они делали. По его просьбе, я послал ему рукопись, в которой обобщались результаты исследований, которые я проводил в Праге. Это был толстый том под названием «Страдание и экстаз в психиатрическом лечении», который так и не был опубликован в своем первоначальном виде, и позднее стал источником пяти книг, посвященных обсуждению различных аспектов моей работе.

После нескольких первоначальных встреч, мы с Джозефом стали добрыми друзьями, и он стал играть очень важную роль в моей личной и профессиональной жизни. Моя жена Кристина подружилась с ним независимо от меня, когда была его студенткой в Колледже Сары Лоуренс.

Джозеф обладал замечательным интеллектом, а его знание мировой мифологии было поистине энциклопедическим. Ему очень нравились материалы психоделических исследований, в особенности, моя концепция базовых перинатальных матриц (БПМ, см. Главу 8), которая помогала ему понять повсеместное распространение и универсальную природу темы смерти и возрождения в мифологии. После нашего переезда в Калифорнию, мы регулярно виделись с Джозефом, так как он часто был гостем Института Эсален, где проводил собственные практические семинары, и был приглашенным участником месячных семинаров, которые проводили мы с Кристиной.

После нескольких дней пребывания в Эсалене, Джозеф обычно уставал от меню Института, которое он называл «едой для кроликов», и был готов к хорошему бифштексу и виски Гленlivet, которое он любил. Мы с Кристиной регулярно приглашали его к нам в гости на домашние обеды, приспособившись к его кулинарным предпочтениям. В течение ряда лет у нас было много интересных дискуссий, в которых я делился с ним наблюдениями различных неясных архетипических переживаний участников наших семинаров, которые я сам не мог идентифицировать и понять. В большинстве случаев, Джозеф без труда определял культурные источники символов, о которых я рассказывал.

В ходе одной из этих дискуссий, я вспомнил описанный выше эпизод из психоделического сеанса Отто, и поделился им с Джозефом. «Как интересно» — без малейшего промедления сказал он — «это явно была Космическая Мать-Ночь Смерти, Уничтожающая Богиня-Мать малекуланов из Новой Гвинеи». Он рассказал мне, что согласно верованиям малекуланов, во время Путешествия Мертвых их ожидает встреча с этим божеством, которое имеет вид пугающей женской фигуры с отчетливыми чертами свиньи. Согласно традиции малекуланов, она сидела у входа в загробный мир, охраняя замысловатый узор священного лабиринта.

У малекуланских мальчиков была сложная система ритуалов, включавшая в себя разведение и принесение в жертву свиней. Свинья, которую каждый мальчик выращивал в течение своего детства, символизировала его мать. Убийство этой свиньи в контексте ритуала половой зрелости, помогало мужчинам племени преодолевать зависимость от человеческих матерей, от женщин вообще, и, конечно, от Уничтожающей Богини-Матери. В течение своей жизни, малекуланцы проводили огромное количество времени, практикуя искусство рисования лабиринтов, поскольку овладение им считалось необходимым для успешного путешествия в загробный мир. Таким образом, Джозеф, благодаря своему поразительному знанию мифологии, смог разрешить эту захватывающую головоломку, с которой я столкнулся во время своих исследований в Праге.

Оставались вопросы, на которые не был способен ответить даже Джозеф: почему именно этот конкретный мифологический мотив оказался столь тесно связанным с неприятными эмоциональными симптомами Отто, почему Отто в ходе своей терапии должен был столкнуться с этим малекуланским божеством, и почему этот опыт был столь важен для ее успешного исхода. Однако, в наиболее общем смысле, задача преодоления проблем, связанных с посмертным путешествием души, безусловно, имела важный смысл для человека, чьим главным симптомом была танатофобия — патологический страх смерти. Выбор в этом конкретном случае именно малекуланской символики так и остался загадкой.

Я описал случай Отто достаточно подробно потому, что он иллюстрирует несколько важных моментов. В холотропных состояниях, различные темы из эсхатологической мифологии становятся опытной реальностью, тесно связанной с психологическими конфликтами человека и его или ее эмоциональными и психосоматическими проблемами. Тот факт, что ни я, ни Отто не имели интеллектуального знания малекуланской культуры, свидетельствует в поддержку идей Юнга о коллективном бессознательном. Для понимания этих весьма эзотерических

элементов ритуала и духовной жизни племени из Новой Гвинеи, которые спонтанно проявились в сеансе Отто, потребовался удивительный энциклопедический ум величайшего мифолога нашего времени. И, наконец, этот эпизод также демонстрирует тесную связь между эсхатологической мифологией и ритуалами перехода.

Я привожу здесь еще один пример сходной ситуации из раннего периода моих психоделических исследований в Пражском институте психиатрических исследований. В этом случае, я был способен понять образы и их символику без помощи Джозефа, хотя и не сразу. Этот эпизод взят из сеанса ЛСД-терапии Алекса, который вызвался участвовать в программе психоделических исследований после многих месяцев безуспешного традиционного лечения тревожных состояний, включая фобию темноты.

На поздней стадии терапии, в одном из сеансов Алекса преобладали воспоминания о его родовом существовании — он стал зародышем в утробе матери, ощущал вкус амниотической жидкости, чувствовал свою связь с материнским телом через пуповину, и остро осознавал изменения в эмоциональном и физическом состоянии матери. Когда он переживал блаженное состояние в период своего безмятежного родового состояния, в окружавшей его эмбриональной обстановке внезапно открылось великолепное видение полярного сияния.

Алекс плавал в его блеске как чистый дух, без всякого осознания своего физического тела, и переживал экстатический восторг. Его окружали другие такие же эфирные существа, занятые радостной живой деятельностью. В один момент он заметил, что эта деятельность была странной игрой в мяч, поскольку существа весело перекидывали друг другу круглый предмет. В конце концов, он, к своему великому удивлению, понял, что предмет, который перекидывали, был головой моржа.

Как и в случае Отто, свободные ассоциации не дали никакой информации для прояснения этого странного, но, очевидно, эмоционально очень важного опыта. Спустя годы, я провел несколько часов в книжном магазине в Сан-Франциско, наугад выискивая книги, которые бы относились к моей области интересов. К своему удивлению, я наткнулся на книгу об эскимосской мифологии, в которой содержался отрывок, касавшийся идей о загробной жизни. Судя по всему, эскимосы верили, что наивысший уровень Небес находится в полярном сиянии — прекрасном месте, всегда светлом, без снега или бури. Там обитали счастливые души, которые веселились, используя голову моржа для игры в мяч. Согласно эскимосскому фольклору, полярное сияние, в действительности, вызывают потоки света, которые отражают возбуждение и энергию этой игры. Таким образом, загадочный опыт Алекса во время ЛСД-сеанса представлял собой точное интуитивное постижение мифологии культуры, о которой он до этого ничего не знал.

Для современных людей, холотропные состояния сознания служат средством доступа к широкому спектру мифологического опыта из разных культур мира. Исторически, это новое явление, которое заслуживает особого внимания. Все древние и туземные культуры использовали в своих ритуалах и священных практиках мощные процедуры и средства для расширения сознания («священные техники»), включая психоделические растения. Тем не менее, люди, жившие в этих обществах, с достаточным постоянством переживали архетипические фигуры и мотивы, характерные для своих культур. В ином случае не могли бы существовать обособленные и легко узнаваемые мифологии. Хотя определенные универсальные архетипы, безусловно, разделяются многими культурами, их конкретные выражения носят культурно-зависимый характер. Так, мы не находим изображений Дхьяни Будд из Тибетской книги мертвых на погребальной керамике древний майя, равно как и скульптур распятого Христа в древних индуистских храмах.

Эта новая способность человеческой психики (или свойство коллективного

бессознательного) тесно связана с всемирными культурными и технологическими достижениями в последние столетия. Вплоть до конца XV в., европейцы, как правило, не были осведомлены о Новом Свете, а коренные американцы, точно так же, ничего не знали о Европе и ее обитателях. До вторжения Китая в 1949 г., Тибет был относительно изолированным, и почти не имел связей с остальным миром. Лишь немногие исключительные личности, такие как Александра Дэвид-Нэйл и Лама Говинда, выполняли функции культурных посредников. В первые десятилетия XX в., на нашей планете оставались области, еще не открытые жителями Запада.

Эта ситуация быстро менялась, по мере того, как реактивная авиация, телефон, радио, телевидение, а в самое последнее время — Интернет, превращали планету в «глобальную деревню». Впервые в истории, нам доступны переводы духовных писаний, записи ритуальной и духовной музыки всех времен и стран, а также посещения учителей всех религий. С учетом материала, всплывающего из всего диапазона коллективного бессознательного в спонтанных и искусственно вызываемых холотропных состояниях, знание мировой мифологии в целом, и эсхатологической мифологии, в частности, стало крайне важным инструментом для психиатров, психологов, и психотерапевтов. Беглое знание архетипического мира необходимо и для всякого, кто вовлечен в духовное путешествие и в приключение самоисследования и самооткрытия. Помня об этом, мы теперь совершим краткую экскурсию по наиболее важным темам эсхатологической мифологии в межкультурном аспекте

Небеса, Рай, и Тема Судного Дня

Концепция последнего пристанища праведных после смерти — Небес или Рая — имеет много разных вариантов. Древние евреи представляли себе Небеса как вышний мир (Шамайим), и считали его местом обитания Яхве. В иудейской традиции, Сад Эдема имел разные уровни — нижний Сад Эдема и верхний Сад Эдема. В нижнем Саду Эдема, души обитали в телах той же формы, как при жизни умерших, и переживали различные виды духовных наслаждений. В верхнем Саду Эдема, души пребывали в своей подлинной сущности, и переживали разные виды духовных наслаждений, которые были большими и более возвышенными, чем наслаждения нижнего Сада.

Когда человек умирал, его душа (нефеш) поднималась к нижнему Саду Эдема. Тело, которое она занимала, имело очень утонченную природу, будучи просто формой энергии, которая не требовала физической пищи и питья. Она получала питание с помощью более высокой формы чувства обоняния. Впоследствии, душа поднималась дальше, в верхний Сад Эдема (Нешамах), где ее питало сияние Божественного Присутствия. Праведники сидели с венцами на головах, наслаждаясь свечением Божественного Присутствия. Они получали удовольствие от видения, и не нуждались в пище или питье. В историях из иудейской мистической традиции, как правило, фигурируют места, похожие на христианские рай и чистилище, блуждающие души, и перевоплощение.

Христианская концепция Небес соединяет в себе иудейский образ небесной области и древнегреческие представления о концентрических небесных сферах и духовном путешествии. Последователи Иисуса, попадавшие на Небеса, наслаждались присутствием Бога, ангелов, и святых, и созерцали Его бытие. В христианской мифологии имеется целая иерархия ангелов; на концентрических ярусах этого пантеона фигурируют, в нисходящем порядке, серафимы,

херувимы, престолы (или колеса), власти, небесные силы, божественные силы, главенства, архангелы, и ангелы. Еще одним обиталищем блаженных в христианской традиции считается Рай, или Сад Любви; это понятие происходит от мифов о Золотом Веке и Саде Эдема. Символика Рая включает в себя географическое положение, элементы девственной природы, стены из золота, и дороги, вымощенные изумрудами. В саду начинаются четыре реки, текущие в четырех главных направлениях. Любые отрицательные эмоции и тенденции отсутствуют; лев и ягненок мирно лежат бок о бок. Еще одно место обитания христианских блаженных — это Небесный Град, с эффектной архитектурой и улицами, вымощенными золотом, серебром, и драгоценными камнями.

Важную часть христианского посмертного путешествия составляет Божий Суд, тема которого периодически повторяется в эсхатологической мифологии. Христианство различает два типа морального суда. Первый происходит во время смерти отдельного человека, и включает в себя взвешивание душ. Менее часто, отделение праведников от грешников происходит на мосту или на лестнице, ведущей на Небеса. Художественные изображения суда над мертвыми, как правило, показывают образы демонов и ангелов, борющихся за душу, и часто особо выделяют фигуру архангела Михаила как сторонника душ умерших. Второй вид морального суждения — Страшный Суд, согласно предсказаниям, произойдет в конце времен, когда откроются могилы, и все мертвые будут снова подвергнуты суду. Христианское искусство изобилует живописными и рельефными изображениями Страшного Суда, на которых Иисус Христос показан как строгий судья, сидящий в окружении четырех мистических зверей Апокалипсиса — льва, орла, буйвола, и крылатого человека. Праведники изображены возносящимися на Небеса или входящими в Сад Любви, в то время как обреченных поглощают врата Ада.

Коран обещает верующим доступ на Небеса и ссылку неверных в Ад. Великолепие семи небес и Рая описано в *Мирадж Наме* — мистической легенде о чудесном ночном путешествии Мухаммеда. В сопровождении архангела Гавриила и сидя на аль-Бураке — его небесном коне с увенчанной человеческой головой — Мухаммед посещает области потустороннего мира: Семь небес, Рай, и адскую область Геенны. Каждое из Семи небес связано с драгоценным металлом или камнем, и служит прибежищем предшествующих пророков. Мухаммед имеет встречу с Аллахом, во время которой переживает «экстаз, приближающийся к уничтожению», и получает наставления относительно молитв своих последователей.

Мусульманский рай представляет собой оазис с прекрасными садами, ароматными деревьями, дающими изысканные плоды, экзотическими птицами, и ручьями из чистой воды, меда, и масла. Жизнь в этой идиллической обстановке отражает вкусы, фантазии, и сновидения арабских мужчин. Мужчины одеты в богатейшие шелка и парчу, и украшены серебряными и золотыми браслетами, и венцами, усыпанными жемчужинами. Лежа на диванах в комнатах, роскошно убранных мягкими коврами и подушками, они наслаждаются вечной юностью, красотой, и бодростью, и угощаются изысканной пищей, фруктами, и вином. Обольстительная музыка и пение еще более усиливают необычайные чувственные наслаждения, которые предлагает эта область. Но самые замечательные удовольствия обещает бесконечное множество гурий — очаровательных черноглазых девушек, созданных из чистого мускуса, ожидающих в беседках из полых жемчужин, чтобы служить для удовольствий правоверных. Безраздельно посвятив себя своим клиентам, и удовлетворив их сексуальные желания, гурии вновь обретают девственность. Наслаждения Рая столь огромны, что Бог даст каждому возможности стать человеком.

Тема божьего суда также составляет важный аспект мусульманской религии. Умершего приходят допрашивать два ангела — Мункер и Накир, — которые детально изучают его

этическую историю. Тех, кого сочли праведниками, освежают воздухом и благовониями, и для них открывается дверь, ведущая в Рай. Неверные облачаются в адские одеяния и проходят через дьявольские двери в Ад, где их охватывают жар и тлетворный ветер, пока над ними не смыкается могила, раздавливая их ребра. Там они пребывают в мучениях до дня воскресения. Кроме того, в мусульманской традиции фигурирует Сират — мост над Адом «тоньше волоса и острее меча», по которому должны проходить все усопшие. Верующие способны удерживать равновесие и успешно переходить по мосту; неверующие соскальзывают и падают в адскую бездну.

Зороастрийские представления об областях потустороннего мира красочно изображены в «Книге Арда Вирафа», которая описывает духовные видения героя, вызванные вином и «наркотиком» — вероятнее всего, зороастрийским психоделическим причастием хаома. Во время визионерского путешествия Вирафа, два духовных проводника — божественный посланец Срош и ангел Адар — берут его собой на Небеса и в Ад, и подробно объясняют ему каждое место. Священная книга *Зенд Авеста* учит, что после смерти душа может достигать Небес, следуя череде все более ярких светов: Звезд (благих мыслей), Луны (благих слов), и Солнца (благих деяний). Во время посмертного путешествия, души должны пересекать печальную реку слез, которые их родственники и друзья пролили в скорби и трауре. Если живые показали чрезмерную печаль, река слез оказывается для усопшего очень трудным препятствием, делающим переход через нее невозможным. Достигающие Небес души праведных людей, например, добрых правителей и монархов, правдивых ораторов, религиозных лидеров, и «добродетельных женщин, которые считают своих мужей повелителями», облачаются в одежды, расшитые золотом и серебром, и наслаждаются присутствием архангелов, ангелов, и ангелов-хранителей.

Некоторые аспекты зороастрийского посмертного путешествия заслуживают особого внимания. Мотив божественного суда снова играет важную роль. Через три дня после смерти и болезненного отделения души от тела, праведные встречаются с образом собственной самости в облике восхитительно прекрасной пятнадцатилетней девушки. Грешникам самость является в виде распутной голой женщины, увядшей, грязной, и отвратительной. Божество по имени «Справедливый Рашну» кладет на одну чашу весов злые дела умерших, а на другую — их благородные поступки. Затем умершие подвергаются особому испытанию: они должны стараться перейти Цинвато парату, или «Мост Разделителя». Для праведных, мост выглядит широким и удобным, и они легко переходят по нему к вечному блаженству. Для тех, кого находят грешными, мост предстает своей другой стороной, крайне узкой и похожей на лезвие бритвы. Когда они пытаются перейти мост, их злые дела принимают форму злобных псов, которые с воем нападают на них. Грешники теряют равновесие и падают в разверстую пасть демона Визарша, попадая в Ад. Однако, окончательный суд откладывается до апокалипсиса, когда произойдет последняя решающая битва. После победы Ахура Мазды над армией Аримана, Земля и Небеса соединятся, и наступит царство Ахура Мазды.

Рай древних греков находился на вершине Олимпа, в месте обитания Двенадцати Олимпийцев — главных богов древнегреческого пантеона, которые жили в прекрасных хрустальных дворцах. Здесь находился и престол верховного бога Зевса. Олимпийцами всегда считались десять богов: Зевс, Гера, Посейдон, Марс, Гермес, Гефест, Афродита, Афина, Аполлон, и Артемида. Непостоянными богами среди двенадцати были Деметра, Дионис, Гадес, и Гестия. На Олимпе, боги вкушали нектар и амброзию, которые приносили им бессмертие. В то же время, греческие боги имели человеческий облик, и проявляли человеческие эмоции и черты характера, в том числе, разнообразные слабости. У них были яростные ссоры и страстные романы друг с другом, и они свободно смешивались с людьми, порождая полубогов, подобных

Гераклу, Ахиллу, Тесею, или Персею.

Райскими областями древних греков были Острова Блаженства и Равнина Элизиума, находившаяся над водами Атлантики у края света. Согласно упоминаниям в текстах Гомера, Пиндара, и Страбона, Равнина Элизиума имела идеальный климат, без дождей, снегопадов, или сильного ветра — там дул только легкий бриз Зефира. Воздух был наполнен благоуханием, и природа была потрясающе красивой, с лугами темно-красных роз и деревьями, дававшими золотые плоды и фимиам. Земля была такой плодородной, что давала сладкие как мед плоды три раза в год. Жизнь была такой легкой, какую только можно вообразить. Жители наслаждались музыкой и поэзией, играли в шашки, и занимались различными видами спорта по собственному выбору, например, верховой ездой и борьбой.

Орфические мистики, которые учили, что спасение — это освобождение от материи и земного рабства, видели в Элизийских Полях приятное место отдыха для чистых духов, которое они сперва помещали в необычно светлый подземный мир, а позднее — в верхние области мира. Пифагорейцы и другие группы в античной Греции верили в перевоплощение и переселение душ (метампсихоз). Согласно Платону, мертвых судили сидевшие на лугу Эакус, Минос, и Радамантус, отправляя их либо в мрачный Тартар, либо на Острова Блаженства. Потом они пили воду Леты, реки забвения, и забывали весь свой прошлый опыт.

В скандинавской мифологии, небесное царство имеет сильный военный акцент, и именуется Валгаллой — Чертогом Павших, которой руководит Один (Вотан), верховный бог древнескандинавского пантеона. Один — бог войны и смерти, но также мудрости и поэзии. Он узнал тайны рун и девять могущественных песен, когда в течение девяти дней висел на Мировом Древе Иггдрасил, пронзенный собственным копьем. Кроме того, Один обрел огромную мудрость, когда обменял один из своих глаз на глоток из Источника Высшей Мудрости, охраняемого гигантом Мимиром. Его обычно сопровождают два волка, два ворона, и его шестиногий конь Слейпнир.

Валгалла представляет собой гигантский дом с 540 дверями. Его стропилами служат копья, а кровля сделана из щитов. Повсюду разбросаны латы. Западную дверь охраняет волк, и над ней парит ворон. Сюда посланцы Одина и духи войны Валькирии («Те, кто выбирают Убитых») — прекрасные юные женщины в шлемах и с копьями, сидящие на крылатых конях — приводят половину героев, павших на полях сражений. Доступ в Валгаллу дается строго на основе военной доблести. Днем воины участвуют в пышных рыцарских турнирах, а ночью вместе угощаются свининой и медом. Эти герои — Ейнхерджар — готовятся в Валгалле к грядущей битве Рагнарок — Сумеркам или Гибели Богов.

Согласно древней ведической традиции и, в особенности, Ригведе, Небеса были царством предков, которые уходили туда после смерти, чтобы быть вместе с богами. Это царство ассоциировалось с небом, а умершие — со звездами. Яма — первый умерший человек и властитель мертвых — правил в царстве света на внешнем небе. Здесь все достойные умершие жили без страданий и тревог. Они наслаждались музыкой, удовлетворением сексуальных желаний, и чувственными удовольствиями — по существу, земными радостями, но в значительно усиленном виде. Благополучие умерших решающим образом зависело от их участия в ритуалах и жертвоприношениях во время земной жизни. Агни — бог огня — обеспечивал очищение умерших, которое было необходимым условием успешного посмертного путешествия.

Позднее, Яма стал властителем адских областей. Он восседал на свирепом черном буйволе, а иногда сам принимал это обличье. Он ловил своих жертв веревочной петлей, и бил их булавой. Согласно Махабхарате, его жилище, называвшееся Ямалья, представляло собой великолепный дворец, построенный зодчим Вишвакармой по просьбе Брахмы. Напротив его южной двери были четыре ямы, где наказывали грешников. Три другие двери были оставлены для входа

праведников, чтобы им не приходилось видеть место наказания, когда они являлись на суд. Брахма приказал Вишвакарме сделать широкий ров, и наполнить его водой. Затем он попросил бога огня Агни войти в эту реку и заставить воду кипеть. После смерти каждый человек был обязан переплывать через эту реку, которая давала безопасный проход добродетельным душам, в то время как души грешников испытывали жестокие мучения. Яма также выполнял функции судьи мертвых, и посылал грешников страдать в соответствующих частях ада, а добродетельных людей направлял в ту или иную часть Небес.

Индуизм принес с собой иное мировоззрение, отражавшее философские и духовные идеи Упанишад. Здесь акцент делался на циклической непрерывности существования — на чередовании жизней, смертей, и возрождений, карме, и перевоплощении. В этом контексте, Рай и Ад стали рассматриваться не как места окончательной судьбы, а как промежуточные состояния, чередующиеся с серией земных существований. Традиционная индуистская космология включает в себя четырнадцать трансцендентальных областей, из которых половина располагаются над землей (семь Верхних Миров, или «Небес» — Сапта Урдхвалока), а другая половина — под землей (семь Миров Преисподней, или «Адов» — Сапта Адхолока). Характер прохождения души (джива) от одного земного существования к другому через один из Раев или Адов определяется кармой — совокупной записью мыслей, слов, и действий человека во всей череде существований.

Индуистская мифология чрезвычайно богата, и описывает много небесных и райских областей. Самая важная из них — золотая Гора Меру в центре вселенной, играющая роль оси мира. Предгорья этой обители богов находятся в Гималаях. Будучи осью мира, Гора Меру уходит под землю, в нижние области, настолько же, насколько она простирается в небеса. На этой горе или рядом с ней находятся небесные царства всех главных богов, где с ними пребывают после смерти и в ожидании следующего воплощения те, кто им поклоняются. В Небесах Вишну — Вайкунтха — сам Вишну и его супруга Лакшми, богиня удачи, великодушная, красоты, и чистоты, отдыхают среди белых лотосов, в окружении бассейнов, облицованных золотом и драгоценными камнями, и отражающих их сияние. Небеса Шивы находятся на горе Кайлаш, где он обитает вместе со своей супругой Парвати.

Буддизм разделяет с индуизмом циклические представления об истории и индивидуальном существовании. Буддистская мифология изобилует описаниями небес, райских областей, и адов, которые слишком многочисленны, чтобы приводить их здесь. Свод основных текстов буддизма Тхеравады, известный как Палийский канон или Трипитака («Три корзины») не дает систематического описания различных адов и небес. Обычно, семь нижних небес и различные ады относят к камалоке — низшей вселенной чувственности, где главной мотивацией служит желание. Шесть небес чувственной сферы камалоки населяют цари, боги, и Бодхисаттвы. Буддистские небеса двух других сфер могут достигаться только посредством строгой духовной дисциплины и практики; первая из этих сфер, рупалока (мир форм) представляет собой обитель сияющих богов, обладающих тонкой формой, а вторая — арупалока (бесформенный мир) — это сфера существ с чисто ментальной жизнью. Райские области пяти Дхьяни Будд, или Татхагат Тибетского буддизма, заслуживают особого внимания и обсуждаются в главе 6.

При всем своем великолепии, божественные сферы, описываемые буддизмом, не свободны от вовлеченности в циклы самсарического существования, и не соответствуют наиболее желанной конечной цели буддистских духовных искателей. Скорее, они представляют собой промежуточные состояния между одним и другим земным существованием, временные остановки для тех, кто не готов отказаться от личных желаний и привязанностей, и обрести полное освобождение от рабства личности — просветление, которое превосходит даже высочайшие из Небес. То же справедливо и для Адов, которые служат всего лишь

промежуточными остановками в круге смерти и возрождения. Конечная цель буддистского искателя состоит в достижении нирваны. В первоначальной Хинаяне («Буддизме Малой Колесницы»), нирвана означала окончательное избавление от цикла смерти и возрождения, уничтожающее «жажду плоти и крови» (трсна или танха), и выходящее за пределы материального существования. В более позднем буддизме Махаяны (или Великой Колесницы), нирвана считалась достижимой во время материального существования, если человек мог уничтожить в себе три «яда», ответственных за страдания в мире — неведение, желание, и гнев.

Представления о божественных сферах существуют и в эсхатологической мифологии Центральной Америки. Ацтеки различали три разныхрая, куда отправлялись души после смерти. Первый и низший из них, Тлалокан, страна воды и тумана, был страной изобилия, блаженства, и безмятежности. Переживавшееся там счастье носило очень земной характер. Мертвые распевали песни, играли в чехарду, и гонялись за бабочками. На деревьях висели плоды, а на земле росли кукуруза, тыквы, зеленый перец, помидоры, фасоль, и цветы. По контрасту с этим, Тлиллан-Тлапаллан был раем для посвященных, которые были последователями Кетцалькоатля, царя-бога, символизировавшего психодуховную смерть и возрождение. Этот рай называли страной бесплотных, обителью тех, кто научились жить вне своих физических тел и не были привязаны к ним. Самым высшим раем был Тона-тиух Ичлан, Дом Солнца, место для тех, кто достигли полного просветления. Эти избранные ежедневно сопровождали солнце, и жили жизнью чистого наслаждения. Майя считали некоторые категории мертвых привилегированными — воинов, павших в бою, женщин, умерших при родах, жрецов, и людей, которые повесились. Они были бессмертными, и наслаждались вечным счастьем в раю майя под священным деревом капок — Мировым Древом, которое проходило через все небесные сферы.

Образ великолепного места обитания умерших присутствует и в фольклоре многих культур. Так, например, племена американских индейцев с Великих Равнин, представляют себе место обитания умерших — Рай для Охотников — как обширную холмистую степь, где пируют и танцуют умершие. Духи умерших воинов скачут на прекрасных жеребцах и голыми руками ловят молнии. Аналогичные области индейцев, живущих к востоку от Миссисипи и в Южной Америке имеют сильный сельскохозяйственный акцент, и сосредоточиваются на выращивании кукурузы и земледельческих празднествах. И в Северной, и в Южной Америке, трансовые состояния шаманов, по видимому, способствовали становлению веры в существование двух душ, одна из которых может отделяться от тела при жизни человека. Кроме того, шаманы были источниками информации о путешествии души в страну мертвых. Их рассказы содержали описания препятствий, с которыми душа встречается в Потустороннем мире — бурных рек, скользких стволов, соединяющих берега стремительных потоков, стен огня, и угрожающих чудовищ, старающихся довести путешественника до безумия.

Как упоминалось ранее, эскимосы представляли себе своих умерших в блеске полярного сияния, весело играющих головой моржа. Австралийские аборигены верят, что смерть представляет собой последний ритуал перехода, который переносит человека из земного мира в священную вселенную. Это экстатическое путешествие имеет своим образом первое путешествие сверхъестественных существ и мифических предков. Согласно мифологии аборигенов, человек имеет две души. Первая, сущностная душа, изначальный и предсущий дух, приходит с Небес, и после смерти возвращается обратно, чтобы всегда жить в Вечном Сновидении (алхеринга), где она находилась до рождения. Другая душа остается на земле, и входит в другого человека. Различные варианты мира счастливых мертвых можно найти у африканских племен, в полинезийских сообществах, и во многих человеческих сообществах в других частях света.

В равной мере распространены представления об аде или Чистилище — месте, где умершие подвергаются нечеловеческим мукам. В древнееврейской традиции страна мертвых — Шеол — изображается как огромная яма или окруженный стеной город под землей, «страна забвения», «мир безмолвия», где развоплощенные человеческие существа живут во тьме, в пыли, покрытые личинками, и забытые Яхве. Это страна теней, поскольку людей покинул «дух», или «животворное дыхание», посредством которого Бог дарует им жизнь. После поздней иудейской формой места загробной жизни грешников была Геенна — глубокая впадина с пылающим огнем, где грешники терпят жестокие мучения. Первоначально, Геенна представляла собой долину на юго-востоке от Иерусалима, где древние евреи с X по VII вв. до н. э. сжигали детей, принося их в жертву аммонитянскому богу Молоху. Образы сжигаемых людей послужили основой для представлений об «адском пламени» в иудейской и христианской эсхатологии.

Христианская картина Ада включает в себя иерархию злых черт, подвергающих грешников невообразимым пыткам физической болью, удушьем, жаром огня, и погружением в экскременты. Эти тяжкие испытания соответствуют наказаниям за семь смертных грехов — гордыню, зависть, гнев, лень, алчность, обжорство, и похоть. Ад находится глубоко под землей, и его вратами служат темные леса, кратеры вулканов, или разверстая пасть Левиафана. В Книге Откровения упоминается горящее озеро из серы, куда после смерти попадают «трусы, неверующие, развращенные, убийцы, прелюбодеи, колдуны, идолопоклонники, и все лжецы». Реже, в качестве адских орудий пыток упоминаются холод и лед.

Римско-католическая вера также включает в себя понятие Чистилища — промежуточного состояния после смерти, в течение которого могут быть искуплены незначительные грехи, и восстановлены добрые отношения с Богом. В некоторых формах христианства проводится различие между Чистилищем, как местом временного наказания и очищения, и Лимбо — местом ожидания для таких людей, как язычники и некрещенные младенцы. Христианские учения о Рае, Аде, и Чистилище получили замечательное и мощное выражение в «Божественной Комедии» Данте.

Мусульманская картина Ада очень похожа на картину иудео-христианской традиции, от которой она произошла. *Мирадж Наме* — Описание Чудесного Путешествия Мухаммеда, упоминавшееся ранее в данной главе, изображает мусульманский ад, Геенну, каким его видел Мухаммед во время своего посещения вместе с Архангелом Гавриилом. Врата Геенны охраняет молчаливый ангел Малик, который во время посещения Мухаммеда сделал исключение, и нарушил свое молчание, чтобы поздороваться с ним. Природа Геенны безобразна и опасна; с покрытых шипами адских деревьев свисают ядовитые плоды в форме демонов. Обреченные подвергаются жестоким пыткам: их вешают и душат, им отрезают языки, их погружают в гной и кипящую воду, их тела поджаривают на огне, причем их кожа восстанавливается, и поджаривание продолжается, они переживают многие другие виды мучений, в зависимости от характера своих проступков. Кроме того, в исламской традиции имеется промежуточное состояние для душ — барзах (буквально, «барьер»), место или состояние, в котором и праведные и грешные души ожидают дня воскресения.

Зороастрийская картина Ада, графически изображенная в упоминавшейся выше *Книге Арда Вирафа*, выглядит особенно шокирующей и отвратительной. Ад находится далеко на севере, в

глубинах земли; это мрачное, противное и вонючее место, кишящее демонами. Здесь обреченные души, «последователи лжи» пребывают после смерти в горе и страданиях, пока не будет уничтожен сам бог тьмы Ариман. Грешников мучают демоны, злобные твари (храфстары), змеи, и скорпионы. Их изводят голодом и жаждой, кормят отбросами, хлещут жалящими змеями, многократно разрывают на части, и подвергают бесчисленным другим кровавым и отвратительным пыткам. К числу причин для этих жестоких наказаний относятся содомия, нарушение менструальных табу, прелюбодеяние, и осквернение воды и огня. Согласно зороастрийской религии, ад не является вечным наказанием; мучения будут продолжаться только до победы Ахура Мазхды над Ариманом в Космической Битве, и последующего обновления мира (фрашегирд). В зороастрийской религии тоже имеется промежуточная область под названием хаместаган, предназначенная для тех, кто не заслуживают ни Рая, ни Ада, поскольку общий вес их благих мыслей, слов, и дел равен весу дурных. Эти души пребывают в своего рода чистилище — обители теней, где нет ни радости, ни мучений.

Древнегреческий загробный мир — Тартар или Гадес был подземельем, полным мрачной тьмы, которое Гомер описывал как «Владения Разрушения, повергающие в ужас самих богов». Главной рекой загробного мира был Стикс с вонючей болотной водой, через который умерших переправлял Харон за несколько монет. Мертвые в греческом загробном мире были бескровными копиями, тенями, которых приходилось оживлять вливаниями крови, меда, вина, и воды, чтобы они могли говорить. Вход в Гадес охранял громадный трехголовый пес Цербер.

Греческая мифология изображала архетипические фигуры, переживавшие поистине эпические вечные страдания за проступки против богов. Тех, кто наносили личное оскорбление Зевсу, заключали в бездонную яму Тартара, где они должны были подвергаться мучительным пыткам. Сизиф, пытавшийся обмануть смерть, должен был на самом дне Тартара бесконечно закатывать в гору тяжелый камень. Татал, который пытался проверить всеведение богов, подав им в качестве трапезы их разрезанного на куски сына Пелопса, был погружен о шею в бассейн с чистой водой под большой спелой гроздью винограда, и вечно мучался голодом и жаждой, не будучи способен достать ни до одного, ни до другого. Иксион, который пытался соблазнить Геру, был распят на огненном колесе, бесконечно кружившем по Гадесу. Прометей — титан, похитивший у Зевса огонь и давший его людям вместе со знанием ремесел и технологии, был прикован цепью к скале в горах Кавказа, где на него периодически нападал орел Зевса, который клевал и пожирал его печень.

Древнескандинавским загробным миром, носившим название Нифлхейм или Хелхейм, и находившимся под одним из корней Мирового Древа Иггдрасил, правила свирепая и беспощадная богиня Хел. Это был холодный, темный, и туманный мир мертвых, располагавшийся к северу от Пустоты (Гиннум-гагап), в которой был сотворен мир. Нифлхейм, также называвшийся Миром Тьмы, был разделен на несколько частей, одной из которых был Настронд — берег трупов. Здесь стоял обращенный на север замок, наполненный ядом змей, в котором мучались убийцы, прелюбодеи, и клятвопреступники, в то время как дракон Нидхогг сосал кровь из их тел. В Нифлхейме имелся источник, Хвергелмир, из которого вытекали много рек. Отважные воины, павшие в битве, отправлялись не в Нифлхейм, а к богу Одину, в Валгаллу — Чертог Убитых. В мировой мифологии встречаются и картины холодных адов. Они существовали в христианстве, а также составляют часть Тибетского загробного мира. Данте использовал средневековый образ холодной преисподней для самого нижнего круга Ада, и изобразил Сатану, сидящего в центре земли в озере из своей замерзшей крови.

Многочисленные виды и уровни ада существуют в индуизме и буддизме. Подобно разнообразным райским садам, они представляют собой не места вечного пребывания умерших, а всего лишь переходные стадии в цикле рождения, смерти, и возрождения. В буддизме Ады

считаются творением ума, полным самообмана и эгоцентризма, и переживаемые там муки, по меньшей мере, столь же многообразны, жестоки, и изобретательны, как те, что описывают другие традиции. Помимо адских областей, где наказания включают в себя физическую боль и удушье, буддистская мифология описывает горячие Ады со стенами огня, реками расплавленного железа, и опаляющей вулканической лавой. Не менее красочно описаны холодные Ады, где грешники страдают от ледяного холода и болезненных обморожений.

Продолжительность прохождения через эти Ады соответствует количеству плохой кармы, которую необходимо уничтожить. В пользующемся дурной славой Аду Авичи (буквально, «без пространства»), грешники испытывают ужасающие мучения в течение бесчисленных кальп (Брахманических эонов). Когда они выходят из Ада, то вырождаются в животных, например, собак или шакалов, покрытых нарывами и струпьями. В буддистских Адах имеются судьи, определяющие судьбу умерших. Например, Эмма-О — персонаж из одного из горячих адов японского буддизма — судит с помощью двух отрубленных голов: красная докладывает ему о всех дурных деяниях умершего, а белая — о всех добрых делах. Он судит души мужчин, в то время как его сестра судит души женщин. В адах китайского буддизма имеется четыре, или, иногда, десять судей.

Загробный мир ацтеков — Миктлан — был страной полного мрака, которой правил ужасный Повелитель Мертвых Миктлантекутли. Его лицо было закрыто маской в форме человеческого черепа, его черные курчавые волосы были усеяны глазами, подобными звездам, а в его ухо была продета человеческая кость. В ацтекской традиции судьбу умершего определяло не его поведение, а его занятия и то, как он умер. Те из умерших, которые не были избраны для одного из Раев, подвергались в Миктлане ряду магических испытаний, в которых они должны были проходить через девять адов, прежде чем достичь своего окончательного места упокоения. Эти Ады не были местами, куда грешники отправлялись для наказания, а рассматривались как необходимые этапы перехода в цикле творения, поскольку в космическом процессе ацтекской традиции, все сотворенные вещи неизбежно окунались в материю и возвращались обратно к свету и своему творцу.

Я описывал загробные миры туземных культур, какими их переживают шаманы в ходе своих кризисов инициации и последующих путешествий. В этой главе, я также упоминал о различных загробных мирах при обсуждении архетипических фигур, представляющих смерть и возрождение, и их историй (см. Главу 3). Самые подробные описания посмертного путешествия души, включая сцены суда, можно найти в так называемых «книгах мертвых». Эти знаменитые эсхатологические тексты подробно рассматриваются в следующей главе.

Предисловие.....	
Благодарности.....	
Введение.....	
1. Шаманизм: архаичная техника экстаза.....	
2. Обряды перехода: смерть и новое рождение в ритуальном преобразении	
3. Древние мистерии смерти и возрождения.....	
4. Смерть и возрождение в главных мировых религиях.....	
5. Посмертное путешествие души: действительность или вымысел?	
6. Книги мёртвых: учебники жизни и смерти.....	
7. Взгляды различных культур на природу реальности и сознания	
8. Измерения сознания: новая картография человеческой психики.....	
9. Сознание на пороге смерти.....	
10. Тайна кармы и перевоплощения.....	
11. Вести и посещения из потустороннего мира.....	
12. История психоделической терапии раковых больных	
13. Эксперимент в Спринг Гроув.....	
14. Применение психоделической терапии на практике: отдельные случаи...	
15. Психоделическое преобразование смерти.....	
16. Душа и танатос: смерть в западной философии и обществе	
Приложение: Осознанное отношение к смерти Олдоса Хаксли	
Литература	
Источники иллюстраций	

Зазен — медитация, созерцание собственного пупа (*Прим. перев.*)

ЛСД (синтетический диэтиламид лизергиновой кислоты) был впервые получен Хоффманом именно из спорыньи (пер.).

Зикр — прославление имени Аллаха (*Прим. перев.*)